

МАГИЯ  ФЭНТЕЗИ

Оксана ДЕМЧЕНКО



ПАУТИНА УДАЧИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Оксаны Демченко
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

МИР В ПОДАРОК
ДОКРИЧАТЬСЯ ДО МИРА
СЕМЬ ЛЕГЕНД МИРА
РОМАШКИ ДЛЯ КОРОЛЕВЫ
КОРОЛЕВСКИЙ МАСКАРАД
УБИТЬ ЭЛЬФА
НЕТ ЧУЖИХ БЕД
ПРИМИ СВОЮ ТЕНЬ
ПАУТИНА УДАЧИ





Оксана ДЕМЧЕНКО

ПАУТИНА
УДАЧИ

Роман

Москва, 2011
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»



Памяти моей бабушки Нины, самой рыжей, неугомонной, ревнивой и красивой женщины на весь ремпоезд. Ее поездка на подножке вагона зимой, без билета, денег и документов — это не вымысел, это как раз правда, преуменьшенная в книге и по холодам, и по уровню опасности

Любое сходство названий и имен в книге и в реальности всего лишь указывает на параллельность миров, в которых высшие силы играют в одну игру на похожих картах — географических, политических и прочих.

Глава 1

СВЕТ И ТЬМА УДАЧИ

Если умозрительно представить себе, что существует некий механизм, сшивающий из кроя замыслов готовое платье свершений, то удача есть смазка его. А неудача — ржавчина, поражающая сочленения и рабочие узлы... Исправность механизма отнюдь не густотой смазки определяется, а только тщанием и талантом мастера, создавшего механизм и поддерживающего его работу. Человек есть мастер. Отсюда следует неукоснительно: без усердного и неустанного труда любые надежды пусты...

*Профессор Дорфуртского университета
Йоганн фон Нардлих*

Стужа с хрустом чеканила узор ночи на серебряном блюде снега, укрывшего, кажется, весь мир. Там, за тонкими, в одну доску, стенками вагона она трудилась, подсвечивая себе щербатым фонарем луны. Насвистывала однообразную ноющую ноту, шлифуя мелкозернистой поземкой серебро сугробов. Ухнуло еще одно дерево, не вписавшееся в узор. Ствол дал длинную трещину. Не наполнится теперь такой — разбитый — соками по весне, не очнется от ледяного сна. Еще бы! Зимние ночи длинные, запасы в снеговых тучах безмерны. На много дней

пути вокруг нет более пути... Значит, такова воля Вдовы. А разве с ней спорят?

Береника надела варежку, одним ловким движением повернула малиновую от жара задвижку, устроила в печурке очередную восьмушку поленца и закрыла дверцу. Ткань прихватки не потемнела, даже не стала по-настоящему горячей. Зато багрянец огня на миг выплеснулся наружу, своим сиянием ярко осветил весь закут вагона, отведенный на семью. И оттого показалось, что стало теплее. Доски заиндевелой внешней стенки порозовели, фальшиво обещая надежную защиту от мороза. Только неправда это. Ну как им справиться — каждая толщиной в два пальца, не более. Да и щели стыков, сколько их паклей ни забивай, вон они, отмечены плотной шубой инея.

На миг звуки зимы стали отчетливы, прорвавшийся в щель приоткрытой двери холод пузырем надул шторку, выстуживая вагон, заныл по щелям, радуясь возможности отнять у людей их последнее достояние — живое тепло.

— Некстати бросила, эдак и дров не напасть, — проворчал дед Корней. Мрачно вздохнул, шаря трясущейся рукой в кисете. Словно в нем, пустом уже десять дней, вдруг да возник сам собою табак. — Опять же неловко задвижку поддела и неспоро.

Его сухое, старое лицо исказилось обидой. Мол, учи не учи, а где ей, девчонке, важное понять? Опять же кисет и правда пуст — нежданное чудо, последняя понюшка табака, не украсило вечер...

— Угодить вам, батюшка, больно уж мудрено, — хмыкнул отчим, успевший стряхнуть снег с одежды. Прошел через весь закут, бросил на лежанку вывернутый тулуп, прямо у ледяной внешней стенки, и рухнул на него сверху, подмигнув девочке.

— Уж каков есть, — вяло и без азарта уперся дед Корней. — А послушать меня и тебе не грех. Тоже мне Король... И кто тебя, неуча, старшим обходчиком поставил?

— Разумный человек, — хохотнул Король и еще раз подмигнул Беренике. — Неперечливый. Я со светлой удачей не в ладах, это всем ведомо. А вот темную могу на чужие головы наслат. Хотя бы в виде синяков. Крупных таких, убедительных.

Глаза у отчима были темные и, как обычно, прищуренные. Не понять, чего в них больше, веселья или колючей внимательности. Большинство обитателей ремонтного поезда и не стремилось угадать. Во-первых, темная удача Королю действительно открыта. Ее еще зовут ночной. Любой вор или иной лихой

человек уповаает на нее, затевая свой разбой. Одни фартом зовут, вторые куражом. Третьи лихостью. А что она такое на самом деле — никому не ведомо. Кроме, пожалуй, Вдовы. Так разве у нее спросишь? Во-вторых, в ремпоезде свои законы. Вопросы — они никому здесь не нужны и всегда лишние. Откуда пришел, сам или по суду, чем прежде занимался...

Зачем знать то, что утратило право на жизнь, как охнувшее под ударом стужи дерево? Прошлое обрезано темными стальными нитями рельсов. Оно осталось там, вне паутины дорог. Навсегда. Многие, попадая в ремонтный поезд, на время словно бы сходили с ума, метались в бреду, болели. А затем забывали прежнюю жизнь целиком. Такие обитали в задних, самых плохоньких вагонах. Погасшие и пустые, безропотно таскающие тяжести и исполняющие простую работу. В задних вагонах и отдельных закутов нет, там нары в два яруса, разгороженные тонкими дерюгами. И разговоров вечерами там не ведут, поскольку разговаривать некому и не с кем...

— Рена, ты что, стужи испугалась? — Король заметил сутуленную спину падчерицы. — Иди сюда, сядь. Пусть Саня подкладывает дрова, он уже большой и прекрасно справится. Нелепая у тебя манера работать без остановки. — Темные глаза сошлись в едва различимые щели. — Будь моя воля, я бы, наоборот, отдохнул. Ох, смутно помню и где, и как... А только все зря, сам виноват. Разве с Вдовой можно договор заключать? По глупости казалось, деньгами оплачу... А может, мнится мне все, иначе дело было? Темна моя память.

Корней, едва разобрав прозвище правительницы Диваны — Вдова, охнул и сотворил охранный жест. Буркнул:

— И точно дурень, — и плотнее запахнул линялую телогрейку.

Саня, родной сын Короля, тотчас устроился у печурки. Ему неполных восемь, но со взрослым делом экономного поддержания тепла он справляется прекрасно. Дед вздохнул, перебрался, кряхтя, на низкую скамеечку и стал присматривать за усердием мальчика. Береника закончила резать холодное сало, толстое, аппетитное и восхитительно розоватое. Ссыпала длинные узкие ломтики на тарелку, нагрузила туда же хлеб, ловко поймала в бадейке маринованный огурчик, добавила и его. Села возле отчима, держа тарелку в руках.

Пять лет она в поезде. И все эти годы удивляется, как ей могло выпасть такое немислимое везение — оказаться в семье Ко-

роля? С полным правом называть его папой и знать, что тебя считают родной, берегут и любят... Такой же зимой, лютой и темной, нашли ее на путях. Никому на всем свете не нужную, замерзшую и уже почти столь же мертвую, как порванные стужей деревья. Ночью нашли, когда миром правит темная удача, злая и хищная. Если бы не Король, ей и досталась бы добыча. Невеликая — что за польза и интерес заморозить до смертного сна девчонку лет восьми? А только разве темной удаче есть до того дело?

От прошлого уцелели лишь смутные сны. Жизнь началась заново в тепле вот этого закута, под ругань обморозившего щеку Короля, подобравшего, как пояснили позже, во время обхода и дотащившего малышку сюда, в живое тепло. Да еще и объявившего дочкой. А разве с ним хоть кто-то станет спорить? Вдова далеко, а он — весь здесь. Со своим колючим прищуром и оставшимся от неведомого прошлого широким засапожным ножом. Да вдобавок с ухватками бойца, не знакомыми никому и страшными своей неодолимостью.

— Вкусное сало, — похвалил Король. — Где добыла?

— На прошлой стоянке, — потупилась Береника, радуясь, что угодила, и опасаясь дальнейших расспросов. — Ты не сердись, пап. В Заводах это было.

— Опять, как в том году, просили счастливый костыль в шпале указать? — задумчиво предположил Король. — И ты указала.

— Говорю же, не сердись. В первый попавшийся ткнула, самой стыдно. Но только у них была своя дорожница, вроде бы опытная. Она сказала, что годится, велела заплатить.

— Малыш, больше так никогда не делай, — тихо и серьезно сказал отчим. — Два раза сошло. Третий может оказаться последним.

Береника молча виновато кивнула. Она и сама знала, что с дорожницами лучше не заговаривать. Торговые обозы через стальные рельсы они перетаскивают вопреки воле Вдовы, указавшей со всей мудростью правительницы каждому в стране его место. Родился меж двух радиальных нитей рельсов, ограниченных дугами круговых путей, — там и живи. Тихо живи, достойно и праведно. И минует тебя необходимость выбора, и не столкнешься с темной удачей. Правда, и со светлой, скорее всего, тоже. Все понятно и просто, пока беда сама не забредет на твой надел... А когда весь жилой клин земли меж двух нитей ре-

льсов — да без урожая? Или зерно посевное замокло, или иная напасть? Наконец, просто захотелось чуток нарушить праведные устои, разбогатеть в обход жадных столичных сборщиков? Вот тогда и возникает караван. Он переваливает через рельсы, надеясь на удачу дорожницы, еще светлую и не иссякшую. И торгует тайком от власти, на чужой земле соседей, почти ничем не рискуя: вся темная удача, как утверждает молва, достанется той же дорожнице...

— Говорил я тебе: девчонка со странностью, — напомнил свои давние слова дед Корней. — А только если ты упрешься...

Старый обреченно махнул рукой и отвернулся к печурке. Вообще-то деду Корнею пятьдесят семь. Ужасно много, так полагает Саня, а дед сердится на любимого внука: не нравится ему чувствовать себя стариком.

Король повозил полоску сала в горчице и с удовольствием прожевал.

— Не пойдет тебе это в зачет ни по темной удаче, ни по светлой, — внезапно хохотнул он. — У ворованного сладкий вкус, я его чую, сколько ни макаю в горчицу. Сало ты, Рена, считай, украла. Такое дело небыстро на учет к Вдове попадает. Мне ли не знать... Мамка-то наша где?

— Третий вагон осматривает, болеют там, — сообщил Саня, весьма довольный своей осведомленностью.

— Да ты что? Ну все знает, вот ведь боевая баба! — оживился Король. Он снова прищурился, тихо шепнул Беренике: — Дед меня выдал?

Береника плотнее сжала губы. Подводить деда не хотелось, он ведь не со зла бормочет, просто удержу не знает. Хочет всех той правде научить, которую сам видит и полагает наиболее верной. Потому и не молчит: разве правильно, чтобы старший обходчик от жены по другим вагонам бегал? От его Ленки, от самой рыжей и красивой девки на весь поезд. Да что там поезд — целый свет.

— Не бубни и совесть ей не скобли зазря, — разозлился дед, не оборачиваясь, но твердо зная весь разговор. — Смотри, как бы второй раз удачу не упустить.

— Может, я тем и занят — спасаю ее, — весело предположил Король. — Вдова в верность не верит, а к ревности благосклонна. Ленка кому хочешь косы проредит, в ней я не сомневаюсь.

— Много ты про удачу знаешь, — отмахнулся дед. — Одно

бахвальство. Королем назвался, словно имени нормального нет.

— Все мы хоть что-то да забыли, когда нас к рельсам приковали, — задумчиво предположил отчим. — Прозвание свое ведаю, имя — нет. Могу описать дом, в котором жил в столице последние два года. Без запинки укажу весь список побрякушек, что собирался продать по осени. Кому вот только? Не иначе намеревался я обеспечить себе начало жизни в мире вне нашей Ликры, без темных и светлых удач и Вдовы, забывшей, где искать смерть.

— Хватит уже поминать ее, — вздрогнул дед Корней. — Время худое, темное.

Король беззаботно зевнул, попросил поставить чай и удержал Беренику за руку: не для нее дело. Дед возмутился, но оспаривать не стал. В конце концов, он сплетню пустил, ему и кряхтеть-суетиться...

— Ты, Рена, стужи не бойся, — улыбнулся отчим. — И вообще, малыш, страх никогда не приносит пользы. Особенно ночной, бессознательный. Разве это плохо — не знать грядущего? По мне, так замечательно. В неизвестности и азарт, и радость, и вдохновение. Имени Вдовы тоже не бойся. Подумаешь, темная удача, светлая... Я не верю ни в одну, но сегодня за страх не ругаю: ты просто вспомнила, как болела тогда, в первую зиму.

— А почему ты меня спас? — задала свой давний невысказанный вопрос Береника. — И в дом взял?

— Потому что с моими решениями нельзя спорить, — прищурился Король. — Опасно для жизни. Вот я даже сам не спую.

Береника рассмеялась, и тяжесть с души схлынула, словно открыли где-то шлюз и выпустили воду, всю и окончательно. Король прикрыл глаза, зевнул. Снова глянул в потолок вагона — темный, едва различимый. Нахмурился, сказал куда серьезнее:

— Я установил для себя закон, дочь. Если душа чего-то просит, не спорь с ней! Она у меня некапризна и редко решается высказывать пожелания. Я ей всего раз отказал. Не надо было лезть во дворец, ведь я это знал доподлинно! Но полез. И вот я здесь... — Отчим задумчиво изучил шрам на правой ладони. Темный широкий след ожога, заменивший линию жизни. — Ну и пусть! Никого рыжее и краше Ленки не видел и в столице, ты слышишь, дед?

— Слышу, — одобрил тот, проверяя чайник.

— Рена, сиди и тоже слушай. Я расскажу тебе сказку. Моя кормилица — а у меня была кормилица, это точно — любила ее повторять, я запомнил. История запрещенная, потому что рассказывает про те времена, когда не было еще ни рельсов, ни Вдовы.

Дед недовольно завозился, щепотью набирая заварку и нарочито шумно покашливая. Он опасался упоминать Вдову, а еще больше переживал, когда непутевый зять брался рассказывать запретное. Да еще при малых детях! А ну как вызнают да донесут? Король презрительно фыркнул, догадываясь о невысказанном. В его вагоне закуты просторные, всего-то и живет тут четыре семьи — настоящая роскошь по меркам поезда. Люди подобрались толковые, достойные. Правда, Корней одного соседа кличет шулером, второго — вовсе душегубом, а третьего — пьяню распоследней... Но доносчиков в вагоне точно нет.

Береника убрала чистую миску и протиснулась в крошечную детскую, отгороженную плотной тканью от основной «комнаты». Король, вопреки общему мнению о его диком нраве и даже лютости на работе, детей никогда не обижал. Выделил для них лучшее место, подальше от холодной внешней стенки, поближе к печурке. На зиму утеплил пол войлочным ковриком, а поверх еще и толстой двойной ряднушкой. Да и одеяло — верблюжье, добротное, настоящая редкость.

Девочка забралась в постель и плотно свернулась, поджав ноги. Самое лучшее одеяло надо еще прогреть изнутри, пока что оно — настоящий лед! Король сел рядом, бросил сверху свой тяжеленный тулуп, помогая копить тепло.

— Саня до полуночи станет тепло беречь, потом тебя разбудит. Стужа сегодня лютая, нельзя прекращать топить.

— Конечно. Па, а вот скажи, удача и счастье — это ведь разное?

Король задумчиво приподнял бровь, улыбнулся. Поправил тулуп, глянул в стену, словно искал там окно.

— Умница ты у меня. Никто не задает таких странных вопросов, а мне порой хочется порассуждать, — признался отчим. — Иные считают это чудью, но не ты. Знаешь, малыш, на мой взгляд, ничего общего нет между счастьем и удачей. Удача — она как вспышка молнии, внезапна и непредсказуема. Порой и нужды в ней нет, а блеснет, покажется, усмехнется — и отвернется... Счастье иное, оно вроде пламени свечи. Домашнее,

близкое, куда более важное. Случайности в нем меньше, его можно и нужно беречь от бед. Если ко мне примерить сказанное, то получится, что все правда! Удачу я знал в столице. Был, можно сказать, ее любимчиком. Хоть имени своего и не помню, а родился точно в хорошей семье, достойной и богатой. Образование мне пытались дать, в маги определить. И позже, когда я вроде бы, как мне кажется, из дома ушел, тоже не знал невезения. А вот попал сюда, во дворец на черненую половицу наступив...

— Значит, правда, что Вдова умеет управлять везением? — охнула Береника.

— Скорее невезением, — скривился Король. — Сложная тема, я потом тебе поподробнее расскажу обо всем, что знаю. Так вот... Удача моя иссякла, я потерял имя, деньги, друзей-приятелей, дом, привычную жизнь — да все, что имел! Однако теперь я по-своему счастлив. У меня есть Лена, Саня, ты. Даже дед Корней — он тоже часть моего нынешнего душевного покоя... Слушай обещанную историю. Пожалуй, скорее сказку. Давно это было, и насколько вообще соответствует истине, неведомо ни мне, ни кому-либо еще.

Король сел поудобнее, прикрыл глаза и стал говорить. Была у него такая странная манера: вспоминая давнее, из прежней жизни, сосредоточенно горбиться, плотно смыкать веки и выталкивать подзабытое странными фразами, включающими незнакомые, нехарактерные для его обычной речи слова. Более городские, пожалуй. Хотя и в обычное время речь Короля отличалась чистотой и, грамотностью построения фраз. Он учил этому и Саню, и Беренику, не допуская мычания, нуканья и эканья.

— Прежде на территории нашей страны, не без насмешки названной в свое время магами Паутиной Удачи, располагались три государства. Самое большое — повосточнее и два его соседа-союзника — на западе и юге, извечно составлявшие то единое пространство, то твердый альянс. Исконно здесь уважали магию, развивая ее и поощряя. Излишне поощряя, я так полагаю. На магов уповали, когда приходили беды. Неурожай, саранча или даже война. Маги гордились своим величием, по-своему старались быть полезными. Но я уверен, что нельзя бесконечно исказить миропорядок.

— Мир — что?

— Природный уклад жизни, — пожал плечами отчим. —

Если зимой холодно и все пути замело, не стоит роптать и переиначивать ситуацию под себя. За капризы придется расплачиваться.

— Понятно.

— Юго-восточный сосед Ликры однажды всерьез надумал известить нас. Маги узнали заранее, готовили заклинания защиты и нападения, укрепляли границу. А самый умный гад, — глаза Короля открылись и блеснули неподдельным гневом, — додумался до настоящей глупости. Удача ведь непредсказуема и внезапна...

— Как молния, — шепнула Береника.

Король пару раз кивнул и сник, положив локти на колени, обняв их ладонями. Помолчал.

— Тогда и создали Паутину. Точнее, то, что позже в нее переродилось. Как утверждает легенда, это потребовало объединения силы всех магов и погубило едва ли не половину из них. Няня пела мне: «Высохли, как цветы без воды, прахом легли в пыль... Свет отделили от тьмы, в узел сплели...» — Король вздохнул, энергично потер лоб. — Не помню толком! В общем, удача стала не совсем случайной. У нее появились любимчики, а точнее, избранницы. Назвали их дивами. Обычно в Ликре жила всего одна дива. А иногда и вовсе ни одной не было. Прошли века, такие дети стали рождаться и в иных землях, но все же чуть чаще здесь, у нас... Не скучна тебе моя странная сказка, малыш?

Береника усердно замотала головой. Она гордилась тем, что отчим охотно отдает ей столько времени, делится воспоминаниями и отвечает на вопросы, которые дед Корней назвал бы блажью. Король мягко улыбнулся, погладил тулуп и снова прикрыл веки.

— Не знаю сам и не слышал ни от няни, ни позже, в колледже магов, как выбирала себе детей наша странная зрячая удача. Не понимаю, как дивы копили силу, как их искали маги... Но знаю одно: войны в давние времена не случилось, все обошлось. И позже тяжкое зло всякий раз краем нас задевало и не творило большого ущерба.

— А потом пришлось за это платить, — предположила Береника, зная склад ума своего отчима.

— С тобой приятно беседовать! Именно так. Мы так долго обманывали судьбу, что однажды доигрались: власть досталась темной диве. Так утверждает сказка, и я не могу предпо-

ложить, много ли в ней правды. Имя дивы ты сама уже, полагаю, угадала.

— Вдова, — уверенно шепнула девочка. — То есть наша правительница Дивана. Странная получилась сказка. Я буду теперь долго думать над ней, спасибо.

Король прищурился, как сытый кот. Потянулся, выпрямляя спину. Встал, собираясь уходить.

— Пап, а ты что, маг? — шепотом восхитилась девочка.

— Нет, — хохотнул Король. — Меня, кажется, выставили со второго курса. Я был, если память не врет, платным учеником, они бы и дольше терпели, но я расстарался, уволок пару ценных книг из библиотеки. Ректор решил, что убыток больше, чем доход. Вызвал меня и честно сообщил: к магии я пригоден еще меньше, чем топор — к плаванию... Спи, время к полуночи ходко бежит, а я пойду-ка нашу маму встречу. Засиделась она в третьем вагоне. Сперва, как водится, бой дала, а потом и за обсуждение взялась. И так они мне кости перемывают — аж уши дымятся!

Береника фыркнула в тощую, свалывшуюся подушку, представив отчима с дымящимися багровыми ушами. Затем вздрогнула, став серьезной. Села, собрала в охапку тулуп, толкнула в руки Королю:

— Пап, не ходи по главным путям. Как-то неладно на душе.

— Именно — неладно, — согласно буркнул Король, надевая тулуп. — Сам чую. Оттого и хочу Ленку поскорее домой притащить. Ну спи. Обещаю идти чищенной тропкой по краю леса, хоть правая сторона путей не моя, нет мне дороги далее кромки вырубки.

Береника успокоенно улыбнулась и прикрыла глаза, сразу и легко взлетая в сон.

Некоторые в сон проваливаются, так ведь и принято говорить: рухнул, ушел и даже утонул. Она — взлетала. Ощущала замечательную легкость, словно тело отпускало разум вверх, в теплый и ясный свет. Там не было и не могло быть кошмаров, темных воспоминаний и недобрых предчувствий. Зато поутру помнились летние пестрые цветы, пряные запахи прогретого соснового леса и голоса птиц...

Сегодня лес оказался перерезан сталью рельсов. По ним стоном катился низкий гудящий звук. Из дали, необозримой, зимней и темной, вьюжной, ночной... Шум рос стремительно, он

вырвал из сна и заставил испуганно сесть в постели, зажав уши ладонями. Бесполезно.

Свистящую песню рельсов дополнил далекий, но уже вполне отчетливый басовитый рев паровозного гудка. Затем наружная стенка вагона мелко и часто задрожала. В нее били волнами комья снега, срываемые вихрем магического ветра с главного пути. Береника едва разобрала торопливые шаги деда по закуту, тихие в сравнении с бурей за стеной. Вот Корней нашарил рукоять, рванул ее вниз, включая прожектор вагона. Не обычный, а заряженный магией опознания. Несколько мгновений спустя снежный вал перестал прогибать доски стены, снег теперь валился на левую сторону от главных путей, свободную. Значит, маг, чистивший рельсы от сугробов для неожиданного скорого поезда, разобрал сигнал и подправил свою работу. Новый гудок рявкнул прямо за стеной. И еще одна порция комьев снега врезалась в доски — уже с «плуга» паровоза, вчистую освобождающего рельсы. Короткий поезд — тендер и два вагона — промчался мгновенно и сгинул, оставляя позади медленно и испуганно оседающую тишину. Скрипнула дверь, вихрь холода качнул ткань перегородок и угас.

Береника, едва осознавая себя, вскочила и в одних носках побежала... Но у порога закута ее перехватил отчим. Рассмеялся, шутливо дернул за ухо и отнес в постель. Он был весь, с ног до головы, облеплен плотным мелким снегом. Ушел, долго и усердно стряхивал белую пыль, перешучивался с женой. Рядом охал и суетился дед Корней. Из закута напротив выглянул тот, кого дед звал шулером, и дрогнувшим голосом уточнил, все ли живы.

— Не играл с тобой на интерес и впредь не сяду, — с показной мрачностью подытожил сосед, закрывая тонкую перегородку-дверь. — Ведь немислимое дело! И поезда быть не могло, и от него не увернуться никак... Третьего дня мы отослали со станции сообщение, что участок ставим в ремонт и перекрываем движение.

— Любой опытный маг определит, пошептав над рельсами, по силам ли ему расчистить путь, — отозвался дед. — Что нас сгрести могли, так мы столичникам не люди, а так, мокрое место. Спасибо зять у меня с головой! Вынудил вас, лентяев, в снегопад для стоянки тупиковую веточку расчистить. Еще спорили, слушать не желали, что умный человек велел.

Сосед тоскливо и невнятно вздохнул-застонал, но подроб-

нее жаловаться не стал. Есть ли смысл напоминать, кто возмущался громче всех? И так известно: все тот же несносный дед, как и много раз прежде... Корней и сам знал, поэтому быстро юркнул в закут и уселся возле печки, более чем довольный тем, что непререкаем и неизменно прав.

— Деда, а кто в эдакую вьюгу среди ночи мчится, да еще с магами? — зевнул Саня.

— Может, и она... — нехотя буркнул дед, не желая лишний раз упоминать имя Вдовы. — Ей-то что? Чем гуще темная удача, тем милее.

— А почему било в стенку так страшно?

— На путях снега намело в мой рост, — поежился Корней. — Когда я служил машинистом скорого курьерского, гонял поезд при поддержке магов много раз, и зимой тоже. Жуткое дело! Вьюга впереди подымается гуще киселя, пузырем дуется, снег расталкивает с путей во все стороны. Грохот рвет воздух, словно мир кромсают напополам. И если кто на рельсах есть, его выбрасывает в лес, далеко. Да что там человек! Толковому магу посильно и поезд под откос пустить.

— Пойду хвостовые вагоны проверю, — пробасил в соседнем закуте Михей, помощник Короля, пробираясь к двери. — Если маги поздно заметили наш фонарь, могли крепко смять.

Береника слышала, как мачеха, которую она звала мамой и от души таковой и считала — своей, настоящей, — прошла к печке. Села тихо и как-то неловко, словно споткнулась и не поправилась. Тяжело, со стоном всхлипнула, сполна осознавая беду, с которой только что разминулась. Самая надежная дорожка вычищена на главном пути, по ней Лена и собиралась шагать от третьего вагона к своему пятому. Если бы не встретила мужа, если бы он не уволок едва не силой к опушке, если бы... Сейчас женщина молча перебирала несбывшиеся ужасы, все более пугаясь. Вон слышно: обняла Саню и зашептала, называя сироткой. Король, как обычно, угадал скорое развитие истерики, сгреб жену в охапку, с фальшивой строгостью отругал и приволок в детский угол. Быстро стащил с ног валенки, сунул ее, послушную и тихую, под нагретое уже одеяло, к боку Береники.

— Рена, расскажи маме сказку, любую, — велел он. Ушел, тотчас вернулся с кружкой, на дне которой плескалась пахучая крепкая настойка. Заставил жену приподнять голову: — Пей, рыжик, закрывай глаза и слушай дочку. Ну что за безобразия,

опять в слезы! Ты сильная, как тебе в голову пришло перечислять эти «если»! Запрещаю. Поняла?

— А вдруг бы... — шепнула мачеха, вздрагивая всем телом.

— «Вдруг» и «бы» тоже запрещаю, — строго уточнил Король. — Рена, что молчишь? Начинай сказку про Колобка, да поподробнее, и потом спи до утра. С печкой мы сами разберемся.

Береника послушно кивнула, поймала необычайно холодную мамину ладонь, погладила. Вздохнула, собираясь с силами, и стала монотонно описывать скитания бестолкового черствеющего каравая, слишком придирчивого в выборе стола и рушника, сопутствующих неизбежному поеданию Колобка. Слова, если уж честно, не имели ни малейшего значения. Год назад Король объяснил ей, как следует успокаивать. Сам он тоже умел, но у Береники, как выяснилось вскоре, получалось гораздо лучше. По осени Саня приболел, и она пела ему колыбельные каждый вечер, тогда и накопила опыт заговаривания сна. Сейчас девочка старалась всюю, а возле краешка сознания билась пульсом мыслишка: не магия ли звучит в ее голосе? И почему отец больше никому не рассказал, как усыплять? И отчего...

Сон пришел быстро, одолел сперва мачеху, успокоившуюся, задышавшую мерно и неглубоко, затем и саму рассказчицу. Ловкий Колобок как раз увернулся от Волка и, как предположил Саня, зевающий возле печурки, укатился в глухой лес. Потому что продолжение его скитаний затерялось в сонном бормотании и сопении...

Утро началось совсем обыкновенно, словно не было ночных ужасов. Еще до зари весь вагон перебудила неугомонная рыжая дочка Корнея, успевшая напрочь позабыть свои ночные страхи. Она напевала, звенела посудой, ругалась с отцом, не желающим перегонять поезд, невзирая на подтвержденное распоряжением начальника состава решение Короля — главного человека в ремонтной бригаде. Потом изобретательно грозила бедами «стервам, которые глядят налево». Еще бы! Для ее Короля левая сторона путей — вполне даже счастливая, там ему Вдова ходить не запрещает. А вот мнение жены совершенно иное, и слушать ее надо... Точнее, приходится.

— Я ему родных детей рожай, неродных выхаживай, хозяйство веди, — считала свои заслуги Лена, — а он налево смотрит! Ох, не домашний ты мужик, Колька. Не жалеешь меня, не ценишь!

— Опять мне имя выдумала? — заинтересовался Король, пропуская мимо ушей прочие заявления.

— Точно! — Большая деревянная ложка угрожающе стукнула по краю чугунок, ловко сбрасывая вниз остатки каши. — Имя тебе — паразит! Сволочуга — вот еще хорошее было бы. Наелся? Ну и вали отсюда. И чтоб на глаза не попадался. Я ему одно, а он другое, словно не слышал, что сказано. Ренка, забери у него чашку, хватит с него каши. А то я не понимаю, на что он моими стараниями силу копит. Иди шпалы таскай и не лыбься попусту, не предвидится сладкого.

— А сало еще осталось? — Отчим с надеждой глянул на Беренику.

— В третьем вагоне спроси, — самым ласковым тоном предложила Лена. — Там этого сала вот такенные окорока. Кулаком не промять!

Дед Корней закашлялся, давясь кашей. Отчим обреченно покачал головой и потянул с лежанки тулуп. До таскания шпал сегодня вряд ли дело дойдет, однако работы и без того немало. Последний вагон, как и опасался Михей, пострадал достаточно сильно. Несколько досок проломилось. Ночью наскоро отгребли снег, плотно налипший на стенку, залатали дыру, но теперь предстояло провести нормальный ремонт. Снег больше не падал, прежний с рельс разметало магическим вихрем, так что осматривать пути можно и даже нужно. Король уже распорядился подготовить малую дрезину и собирался заняться именно этим, поручив Михею приведение в порядок вагонов.

— Ренка, набери снега, — велела Лена, зная, что падчерица может без риска для своей удачи входить в лес и даже удаляться от путей по любую сторону насыпи. — Чистого! А то натопила в ночь на чай — пополам с копотью, вот ведь лентяйка, от самых путей взяла, шагу лишнего не сделала в сторону!

Дед повторно закашлялся. Догадливая и невежливая Ленка показала ему свой некрупный жесткий кулак, но от обвинений в адрес падчерицы не отказалась. По ее мнению, сказанное в любом случае полезно: оно воспитывает! Береника замотала платок, сунула руки в рукава телогрейки, торопливо юркнула в кладовку, отгороженную тканью, одним движением сгребла в карман хлеб, схватила ведро, пока вторая рука нашаривала у стены кусок сала. Даже бдительная Ленка не заметила задержки, хотя вслед косилась с подозрением. Из вагона спускаться по

ступеням сходней не пришлось. Король ждал и сам подхватил, поставил на тропку, с надеждой глянул на свою любимицу.

— Строгая у нас мама, — посетовал он, оживляясь и принимая хлеб с салом. — В Санькину мисочку мне каши плюхнула. Котятам меньше дают. Пропал бы я без твоих забот, малыш.

— Пап, а с тобой поехать можно?

— Пока, пожалуй, нет, — подумал вслух Король. — Мы теперь назад, до ближней стрелки, где начало ремонтного участка. Вот после полудня — в другую сторону. Тогда, может статься, и возьму, если мама разрешит.

— Разрешит, — уверенно улыбнулась Береника. — А я тебе картошечки припасу.

Глаза у Короля стали совсем грустными. Он и сам полагал, что сегодня не стоит рассчитывать на домашний обед. Кивнул, тяжело выдохнул целое морозное облако огорчения и пошел прочь. Береника добежала до тропки, вычищенной к лесу, закрипела по снегу вниз с насыпи и миновала полосу вырубki у рельсов, двигаясь почти что боком: вычищено оказалось совсем узко, в одну лопату.

Из снежного желоба по плечи высотой было приятно нырнуть под низкие ветки елок. В лесу снега сразу стало меньше, его вал ловко и цепко держали кустарники опушки. Береника смогла отойти достаточно далеко, перебираясь от ствола к стволу. Остановилась, радуясь свежей и чистой природной тишине. Шумы нехотя просыпающегося паровоза, голоса ремонтников, стук молотков, прибывающих новые доски, восстанавливая хвостовой вагон, — все удалилось, отодвинутое мохнатыми лапами ельника. Здесь стволы скрипели, радуясь преодолению ночной стужи. Снег шуршал с веток тонкими струйками, сеялся серебром на платок и телогрейку.

Береника стащила варезжку и пошарила в кармане, разыскивая остатки запасов семечек. Лена называла кормление птиц тратой времени и расточительным чудачеством. Король слушал молча — ругали ведь в первую очередь его — и обязательно покупал новый бумажный кулек на ближайшей станции. Едва ладонь с семечками раскрылась, к ней сверху, из гущи веток, упали несколько синиц. Откуда птицы узнавали про угощение, для девочки оставалось загадкой. Почему они, дикие, брали с руки и не боялись — тем более. У Сани не брали, что доводило его до слез...

Жалкие остатки содержимого кулечка были уничтожены в

пару минут. Виновато вздохнув, Береника сжала замерзшую ладошку, и птицы тотчас вспорхнули вверх, исчезли. Правда, их голоса еще достаточно долго звенели поодаль, и оттого трамбовать в ведерке снег было гораздо веселее. Сверху Береника бросила несколько гроздьев ягод калины, укрывшихся под снежной шапкой от птичьего аппетита. Сладкую, промерзшую ягоду мачеха любит — глядишь, и перестанет сердиться на мужа. Она ведь шумит только для виду, а на самом деле — обиду прячет. Если повезет, успокоится к обеду, сама велит отчиха искать и звать к столу. Ну если не повезет, то вынужденная голодовка Короля растянется до ужина. Береника вздохнула.

Родная выгородка встретила спорым стуком ножа, мелко рубящего ничтожные остатки сала. На печке шкварчала картошка. Мачеха приметила калину, улыбнулась, прихватила ловким движением всю и стала обгрызать прямо с кистей, облизываясь и довольно вздыхая.

— Ну давай, — велела она, закончив лакомиться, — просись на дрезину.

— Пустишь?

— Ха, тебе лишь бы не работать, — весело укорила мачеха. — По уму, надо бы не пускать. Зачем сало украла? И не смей бормотать, что оно твое! Что в дом принесла, то наше, общее.

— Прости.

— Ну все бабы его жалеют, даже эта пигалица, — возмутилась мачеха. — Ростом мой Колька на полголовы ниже Михея, а попадают в него все взгляды, чтоб ему... И я туда же, если разобратся...

От собственных выводов мачеха впала в задумчивость. Отхватила от шкурки сала кусочек, сунула за щеку. Пожевала, неодобрительно изучая сковороду с картошкой.

— Обед поганцу не воруй, — строго приказала Ленка, сопровождая каждое слово стуком ножа. — Сама соберу. Иди оттирай чугунок, не пищи под руку! И скажи ему, что вечером будут вареники с картошкой. Если ты ее до своих покатушек успеешь перечистить.

После полудня отчим деликатно постучал в стенку вагона, оповещая, что дрезина готова отправиться в путь. Береника подхватила пузатую миску с картошкой, укутала и побежала к дверям. Мачеха вслед невнятно фыркнула, в своей обычной манере беззлобно, но шумно желая споткнуться и оставить «паразита» без обеда.

На платформе дрезины топтались, возбужденно сопя, двое приятелей Михея, только что закончившие наваливать мешки с углем и крепить их. Сам помощник Короля шептал на ухо отчиму нечто весьма важное, то и дело толкая его локтем в бок. «Великая тайна!» — усмехнулась Береника и сунула отчиму миску. Тот оживился, принялся и утратил последние остатки интереса к шепоту.

— Дядя Михей, вы подбиваете папу ехать на станцию? — предположила Береника. — Так ведь далеко!

— Нет, всего-то до ближнего разъезда. — Огромный, похожий на медведя сосед по вагону склонился и заговорщицки подмигнул: — Я посчитал дни, там сегодня торжище. Каждый год оно бывает. Белолесский уезд везет орехи, мед да сало. Краснохолмский — табак, крупу...

— И наливки, — обличающе прищурилась Береника.

— Разумница эдакая, — хмыкнул в усы Михей. — И наливки тоже. Это уж кому что требуется. У нас вот имеется небольшой избыток угля. Кой-какие мелочи полезные из города.

— Как же они без дорожницы торгуют? — удивилась девочка.

— Через пути кидают, — не вполне понятно объяснил Михей. И добавил, видя недоумение Береники: — Между прочим, их твой папка надоумил шесть лет назад, место указал и условия разъяснил. Кто на шпалу не заступил — тот еще в своем уезде. Там удобно, дорога вровень на пути выныривает из Краснохолмья и обрывается, а дозора нет, места-то дикие, пустынные по зиме.

— А вещи, нарушившие границу уезда, не приносят темную удачу? — высказала еще большее удивление Береника.

Отчим доел картошку, блаженно вздохнул и поставил пустую миску на платформу. Кивнул, отпуская грузчиков и давая начало движению. Пояснения он излагал уже на ходу, поскольку сытость всегда способствует хорошему настроению и общительности.

— Смотри что кидать. Ножи — нельзя, любые предметы длительного пользования — нежелательно. А вот простое, что быстро израсходуется, очень даже можно. Конечно, сломать зуб об орех, перекинутый через пути, несколько проще, чем об честно купленный, но это при определенных условиях, и то не факт. Мелкие удачи и неудачи ни на что не влияют и вообще поглощаются погрешностью.

— Чем? — не поняла Береника.

— Дочь, — Король прочувствованно выдохнул пар, — я, как мне вспоминается, в колледже ни разу не смог нормально сдать зачет! А ты туда же, спрашивать... Что думаю, то и сказал. В целом торг безопасен, пока он невелик. Точка.

Береника кивнула и стала смотреть по сторонам, повернувшись спиной к ветру, то есть против хода дрезины. Рельсы льдисто блестели, облака медленно уползали на восток, освобождая синь небес для красивого солнечного вечера. Уголь в прорехах больших мешков лоснился сыто, маслянисто. Люди на дрезине двигали привод дружно и умело. Все выглядело так привычно, что не требовало вопросов. Детям, которых любезно согласились взять в дорогу, полагается молчать и восхищаться. Михай крикнул, предложил прибавить ход. Скоро он скинул тулуп, от толстого свитера грубой вязки шел пар. Беренике достался сначала один меховой кожух, а затем и второй. Отчим ощутил жару гораздо позже. Он уставал медленно, хотя выглядел куда более легким и сухощавым, чем большинство работников ремонтного поезда. Вот и теперь дышал ровно, смотрел вперед спокойно и двигался плавно, вполсилы. Успевал оглядываться по сторонам, подсвистывать, окликаая свиристелей, обирающих рябину, или хрипло каркать ворону, ошарашенному наглостью чужака.

Под грудой меха было так тепло, что Береника закуталась плотнее и стала смотреть вверх, в зимнюю стылую синь небес, чем-то неуловимо похожих на хорошее сало. Хотя бы потому, что небо — слоистое. Тут вот голубое, за жирком тонкой тучки — уже зеленоватое, после второй прослойки — вовсе с желтизной. А по низу — опушенное темной щетиной леса, как корочкой. Дрезина шла на север, солнце медленно клонилось влево, на счастливую сторону Короля.

— Пап, а разве не лучше закупать на рассвете, пока светлая удача густа? — спросила девочка.

— Кому как, — подмигнул тот. — Суевериям я предпочитаю здоровый торг и разумную цену. Но ты права: начали они с самого утра. И мы спешим не напрасно, боимся, как бы не застать лишь последки торжища. Впрочем, уже близко, успеем.

— Пап, а удача и судьба — они одно?

— Эк хватила, — хмыкнул Михай.

— Сложный вопрос, — порадовался Король. — Судьба — штука странная. Она, если разобраться, не у всех и имеется — настоящая. На том, как я припоминаю, и построена магия пау-

тины удачи, делящей страну на уезды. Все, кто по селам да деревням сидят, привязанные к месту собственным страхом, не создали и не выстрадали истиной судьбы. Разве это судьба — слепо следовать первому же указанию, выданному самим рождением? Коли крестьянин, то и паши до смерти, не разгибаясь! Раз князь или граф — кланяйся и танцуй на балах. Это не судьба, а заведомый отказ от выбора.

— И что?

— Отказ развиваться и выбирать создает омут застоя, — нахмурился Король. — Кажется, у магов он именуется резервом неосуществленного. Те, кого Вдова награждает, из него черпают удачу, а те, кого казнит, — беды. Точнее не скажу, не тяни губы, затевая свое неизбежное «а если»!

— Прости. Мне и так хватит сказанного, чтобы было над чем подумать.

Король довольно блеснул глазами и присвистнул, требуя замедлить ход. Длинная дуга поворота вынесла дрезину на бесснежную высокую насыпь, огибающую большое застывшее озеро. От него поднималась накатанная санями дорога со свежими следами. Летом здесь нет пути — вода отрезает его. А теперь, по льду, посильно пробраться к разъезду, который из окна скоростного поезда неприметен. Пройдет снег — и снова будет казаться, что люди тут месяцами не появляются...

Береника распахала тулупы, каждый пододвинув к хозяину, и повернулась вперед, сев по ходу движения. У самых путей сновали люди, уже хорошо заметные. Девочка рассмеялась. Еще бы! Только что двое бодро раскатали крупного барана и метнули через рельсы. Винторогий умудрился взбрыкнуть на лету, ловко боднул покупателей, вывернулся из веревок и рванул к лесу! Что беглецу сильнее помогло, гнилые путы или темная удача, наверняка станет предметом долгих обсуждений. Один из ушибленных участников торгова подхватил топорик и помчался в лес — догонять упрямо живое мясо.

— На племя куплен, — не согласился Король с мыслями дочери. — Они полагают, если сбежит и будет пойман как якобы ничейный, то прежнему месту уже не сохранит принадлежности и от происков удачи освободится. В чем-то правы. Хотя, как мне кажется, этот баран им и без чужих происков достаточно крови попортит.

— Пап, а что мы маме купим? Она такая грустная...

— Праздник купим, — широко улыбнулся Король. — Баранов, сало, наливку. Будем гулять завтра весь день.

— Но дедушка...

— Ему табак, чтобы не ворчал, — великодушно согласился Король. — Начальнику поезда — наилучший лесной мед, он заказал. Хороший мужик, и за какие грехи его к нам, на северную ветку, да с такими слабыми легкими?..

Король вздохнул и обреченно махнул рукой, не желая продолжать фразу. И так все знают. Отвернулся, взялся еще раз деловито считать мешки.

Настоящий топочный уголь, сине-черный, жаркий и долгогорящий, в пределах границ Ликры попадал лишь на сталелитейные заводы Угорского уезда и в топки магистральных паровозов. Селяне знали как дороговизну, так и выгодность этого топлива и охотно предлагали в обмен на содержимое мешков свои припасы. Более прочих оживился белолесский коваль, возжелавший непременно заполучить весь уголь для своей кузни. Он шумел, демонстрировал подлым конкурентам по ту сторону путей пудовые кулаки, набавлял цену, норовя единолично снабдить путейцев всем, что они запросили. Михей в ответ с азартом показывал свои ладони-лопаты бывалого кочегара, ругался — и явно симпатизировал оптовому закущику.

— У тебя нижний мешок худой, угля там — половина от должного, — напирал коваль.

— А баран твой моему тулупу дедушкой доводится, — не отставал Михей. — Он не жирный, не дери с него последние волосья, он просто с голодухи опух!

— Истинно молвлю: мне уже, почитай, без разницы, как удача развернется, коли тебе она морду не засинит, — возмущался селянин. — Ладно, добавлю малый горшок меда. Липового, слышь?

— Слышу, что липового, — невнятно намекал на подделку Михей. — Малый — это мне раз понюхать. Не годится! Эй, кто там пожилых овец давал, именуя их ягнятами? Мешок ваш!

— Все вы, сброд путейский, совесть паром высвистываете, — буркнул коваль и, обернувшись к своим, белолесским, нашел взглядом владельца овец: — Тебе со мной одним обозом домой ехать, помнишь ли о том?

Тощий мужичок с мелкими плутоватыми глазками поехал. Он, само собой, помнил... Коваль осмотрел овец, действительно упитанных и молоденьких, тяжело, всей могучей грудью,

выдохнул. По мнению Береники, вышло не хуже, чем у настоящего паровоза. Из облака белой изморози донеслось:

— Свой кисет с табачком отдам. Он новый, только что перекинут, так что вреда вам не принесет. Ну?

Береника с интересом обнаружила, что деньгами никто не рассчитывался, каждая сделка состояла из чистого обмена одного товара на другой. Потому торг и тянется долго, обрастая странными и нелепыми условиями. В итоге коваль сверх оговоренного прибавил молочного поросенка. Гордо огляделся — больше нет у него соперников! — и расставил ноги пошире, готовясь ловить мешки. Сложил приобретенное в добротный крытый возок, любовно огладил, прощупывая уголь. Ровный, без пустой породы — баскольский сортовой.

Владелец овец выглядел, наоборот, расстроенным. Бормотал, что ненароком заступил на шпалу и оттого торг у него никак не идет. Скотина наилучшего откорма, а медовуха и вовсе безупречна, но, увы, и то и другое до сих пор здесь, на этой стороне путей...

Король утешил раздосадованных селян, показав им бумагу с печатью путейского мага, разрешающую легальные закупки «для крайних нужд пропитания и ремонта».

— Выходит, иногда заступать на шпалы полезно, — предположил он. — Веди овец. Впишем, деньгами оплатим, по всей форме бумагу выдадим. За медовуху, если хочешь, можем масло перекинуть.

— Осветительное? — понадеялся мужик.

— «Опаловый люкс», — кивнул Михей. — Заводской, наилучший, двойной яркости. Мы его... гм... в свою тару из большой цистерны перелили, так что не удивляйся виду бутылки. И лови бережно, раз заступил на шпалу.

Масло мужик ловил с усердием, позабавившим весь торг. И, само собой, не удержал. Спасибо, соседи попались независтливые — помогли, подхватили...

На обратном пути, поминутно проверяя веревку на рогах крупного барана, «опухшего от голода», девочка думала о странности менового торга. Она бы спросила отчима, но дрезину гнали полным ходом, не желая оставаться на путях после наступления ночи. Потому что каждому известно: это время наибольшего коварства Вдовы. И если ее способность приносить удачу порой вызывает сомнения, то вот умение сглазить — неоспоримо. Небо темнело, все более напоминая недобрый фиоле-

тово-черный прищур из-под длинных еловых ресниц. Пути оказались целиком перекрыты частыми и густыми тенями, которые должны были вот-вот сомкнуться, но не успели: впереди блеснул прожектор, что означало приближение поезда. Михай охнул: неужели опять беда, ночной скорый ждут?

— Нет, — хохотнул Король. — Это моя Ленка переживает. Не знаю, как она умудрилась заставить деда фонарь паровоза зажечь, чтобы беду отогнать... Небось еще и к начальнику поезда сбегала, уговорила командовать снять один рельс, чтобы окончательно отвадить поезда с магами от нашего участка. Это верный способ, маги ощущают разрыв линии пути. — Голос отчима стал мягче и тише: — Рена, какая славная у нас мама, правда!

Утверждение не было вопросом и не требовало согласия, но Береника все же кивнула. Заметила еще один фонарь, поставленный у края рельса. Так обозначалось, что далее путь разобран. Дрезина замерла в нескольких метрах от желтого круга света. Мужчины быстро перебросили мешки поджидающим их людям. Обреченно орущих баранов отогнали и загрузили в пустой холодный вагон.

Начальник поезда, инженер средних лет, списанный в ремонтный состав по решению суда — говорили, за долги, — благодарно принял мед и подмигнул Беренике.

— Говорят, весь ваш пятый празднует, — сообщил он Королу. — Твоя жена делает бесподобные вареники. Стол ломится, даже мне небольшая порция перепала. Пойду пробовать, если еще хоть один уцелел.

— Завтра нам бы... — начал отчим.

— Знаю, — без удивления отозвался начальник поезда. — Празднуем ваше ночное везение. Из-под состава самой правительницы увернулись, шутка ли!

— Ох, еж... колючий, — нескладно удивился Михай, глянув на девочку. — Откуда весть?

— Мы телеграмму отослали, что путь разбираем, — буркнул начальник. — Заодно потрепались на ключе, то да се... Нет, Король. Не вполне мертва еще твоя удача, что бы ты ни говорил о ней.

Отчим задумчиво кивнул. Береника видела, что он не находил радости в упоминании о своей везучести, словно опасался радоваться. Впрочем, сразу встряхнулся, отгоняя сомнения, и зашагал к родному вагону. А там, в пустом и просторном жили-

ще бездетного «шулера», уже выстроились единой линией столы, принесенные соседями. Вареники лежали нарядными высокими горками в трех мисках, достойных именоваться тазами. Король торжественно утвердил в середине стола горшочек с солеными груздями и, порывшись в карманах, передал деду табак. Корней при виде эдакого чуда едва не прослезился. Нырнув в закут, он вернулся с бутылью самогона, очищенного до прозрачности и настоящего на рябине. Ленка подхватилась, суетливо пообещала найти настоящие рюмки. Вообще, неплохо получалось разливать в кружки, с чем все и согласилось. Король взялся передать жене эту важную новость — и тоже исчез из-за стола. Жена Михея промокнула глаза, радуясь явному и столь трогательному, по ее мнению, примирению в семье соседей. Она предложила не ждать завершения поисков и начинать праздник.

— Да чего там искать, — возмутился Корней. — Все знают, где она прячет эти рюмки.

— В твоём возрасте, уж прости за прямоту, и правда нечего, — задумчиво проговорил Михей, нагружая в миску вареники. — А вообще... вдруг рюмки куда перебежали тайком?

— Рюмки? Перебежали? — обрадовался удивительной и сказочной идее Саня, допущенный к общему столу. — Можно мне тоже пойти ловить?

— Папа сам управится. — По лицу деда пробежала тень. — Он у нас ох как ловок. Ему, если по виду судить, и сорока нет, а уже обходчик, большой начальник. На меня и то покрикивает. А позже, вот ведь умен, табачком задабривает.

Дед говорил очень тихо. Впрочем, в общем веселом шуме даже самых громких его сетований, привычных до зевоты, никто бы не разобрал. Кричали на весь вагон здравницы за удачу, так кстати блеснувшую в безлунной ночи, за завтрашнее продолжение гулянки, за сегодняшний торг. Как раз к этому возгласу и появились Ленка с Королем, который вполне ожидаемо заявил, что рюмки не нашлись! Он лично обыскал весь дом, но увы... Михей стал весьма неловко намекать на то, что поиск важнее результата. Король нахмурился, оглянулся на Беренику.

— Идите-ка вы с Саней отдыхать, — велел он. — Вам здешний шум не на пользу, да и время позднее. Рена, ты пока за печкой присмотри, а позже я сам займусь. Утром ты мне нужна отдохнувшая. Настоящее мясо жарят на березовых углях. За ними следует идти в лес, путь неблизкий.

— Все у тебя с затеями, — недовольно сморщился дед.
— Точно, без них не могу, — улыбнулся Король.

Береника сжала ладонь полусонного брата, переданного через стол, и пошла укладывать мальчика, не выказав ни малейшего удивления. А удивляться было чему. Взять хотя бы тот факт, что березовые дрова в вагоне лежали отдельной поленицей — и немалой.

Утро задумчиво изучало лес и пути, пользуясь скудным светом единственной лучины — малой тучки у горизонта, поймавшей первый блик далекого солнца. Утро нежилось и не спешило. Зимние дни коротки, ленивое солнышко долго отдыхает в пуховых облаках у горизонта. Да и не встает оттуда толком — лишь приподнимается и снова уходит по низкой дуге, задевая краешком каждую высокую сосну. Береника тайком от отчима подозревала, что оно боится упасть. Ледяное озеро неба слишком уж гладкое и скользкое. Вслух эдакую глупость девочка не высказывала — стыдно. В поезде детей обучали гораздо лучше, чем в любом селе или даже небольшом городе. Начальник поезда — настоящий инженер, дипломированный, он и завел нынешний порядок. Сам преподавал математику, физику и химию. Чистописанию, чтению и даже франконскому языку (для желающих вроде Береники) обучала его жена, тихая усталая женщина с грустным взглядом и, как ни странно, прямой спиной. Неожиданное сочетание качеств. Впрочем, чего еще ждать? Уже который год знает, что здесь, на севере, ее дорогой Михаил Семенович не жилец, для его легких единственное лекарство — жаркий, сухой климат юга. А вот осанку не теряет и голову держит прямо, не позволяя себе отчаиваться. Достойная уважения стойкость, так и отчим говорит.

Береника косилась на солнышко, пробуящее лучиком край ледяного омута небес, и пыталась поверить умным словам дяди Михаила, повторявшего, что солнце — огромное и мир без усталости кружит вокруг него, как мотылек возле лампы... Поверить в такое можно, привыкнуть — посылно, но вот представить себе...

Отчим принес две пары коротких широких лыж — точнее, снегоступов, — приладил ремнями к валенкам. Махнул рукой, указывая направление, и пошел себе через пути, налево, на свою любимую закатную сторону. Уже миновав опушку, Береника спохватилась:

— Пап, а топор?

— Рена, малыш, ты не проснулась? — хохотнул Король. — Умница моя, да здесь на сорок верст вокруг нет ни одной рослой березы! Елки, сосны на гривках, ольха, осина. Ты еще прикажи мне веревку тащить или мешок.

— И то верно, — смутилась девочка. — Дров у нас полно.

— Вот и спросила бы прямо, без мамкиных подначек, — предложил Король, — куда я тебя потащил в эдакий холод. А я бы отшутился. Потому что расскажу попозже, как дойдем до места. И ты изволь молчать, иначе горло застудишь.

Береника послушно проглотила ответ — и заодно новый вопрос. Идти налегке было замечательно. Лес оказался редким, рос он на пологом склоне огромного холма, плавно стекающего все ниже, к промерзшему болоту. На закатной стороне снег оставался темным, синим. Пушистые верхушки тощих елей, избавившихся от сухих нижних веток, усердно тянулись вверх и ловили розовые теплые блики рассвета на свои заснеженные лапы. «Словно у печурки греются», — подумала Береника, вздохнула и глянула на спину споро шагающего Короля. Вопрос так и вертелся на языке — аж щекотно! Но разве с папой поспоришь?

Он — Король. Одни в поезде говорят, что это прозвище из мира картежных игр. Высшая карта в них — «маг удачи», но этим именем едва ли кто согласится назваться без веских причин. Да и характер за «магом» читается иной. Холодный, излишне властный, расчетливый и даже спесивый. Не по отцовой, то есть отчима, мерке. Он живой, подвижный и решительный, он поездом распоряжается — но так весело и лихо, словно и правда от рождения наделен правом отдавать приказы. И делает это, учитывая интересы своего маленького «народа» — дикого, буйного, признающего лишь его власть. Порой добрую и потакающую прихотям, праздничную, как сегодня, а в иное время жестокою до крайности. Король не терпит пьяных драк, приводящих к серьезным ранениям, не позволяет воровать — во всяком случае, нагло, — вынуждает трудиться на совесть, безжалостно изгоняя лентяев.

— Пап...

— Как же это ты умудрилась молчать целых пятьсот метров? — притворно удивился Король. — Говори, но коротко.

— А почему я могу ходить и по правой стороне путей, и по левой? И через лес? Или все могут, но просто боятся суеверий?

— Почему — не знаю. — Король несколько сбавил шаг, под-

нял руку, приглашая нырнуть под нее. — Но мы идем как раз туда, где имеется кусочек ответа. Я, малыш, сперва полагал, что и мне не заказано ходить повсюду. Но в первый раз, нырнув под ветки правого леса, был укушен змеей. Во второй — чудом не лишился глаза. А в третий раз меня придавило елкой. Спасибо, чухлая была, мой позвоночник покрепче оказался. Я глянул дальше в лес — и рассмотрел там немало крупных деревьев, старых, опасно накренившихся... Больше не рискую. Вдоль путей тянутся, как незримые нити, заклинания ограничения, старые, многослойные. Они подобны водоразделам. И если ручей моей жизни сбегает по этому склону, я могу изменить его путь, но повернуть вспять и вынудить течь вверх...

— А я?

— А ты, малыш, — облако, — улыбнулся отчим. — Это главное объяснение, которое у меня есть. Кроме него, только вопрос.

— Какой?

— Что, а точнее, кого можно вырастить из облака? — негромко проговорил Король. — Не исключено, что ты повзрослеешь и прольешься дождем, найдешь себе русло и примешь его ограничения. А может, и нет...

Король убрал руку с плеча дочери и снова ускорил шаг. Береника заспешила следом, изредка поглядывая на слабый, едва намеченный розовый завиток облака у горизонта. Мало ей того, что мир круглый и вращается, так теперь еще и она сама — облако... Девочка охнула, припомнив еще один рассказ Короля. Про омуты застоя и резерв неосуществленного. Туда и стекаются ручейки жизнью, если вдуматься.

— Пап, а магия что, как вода?

— Любая энергия подвижна и изменчива, — согласился Король. — Магическая — она для магов такое же рабочее тело, как вода для нашего паровоза. Пока она именно вода, нам от нее нет пользы. Вот если загнать в котел, нагреть, превратить в пар и использовать с умом...

— Ты сегодня сложно объясняешь.

— А разве тема простая? Ты еще спроси, что такое жизнь, как она связана с магией, удачей и прочим разным, и жди ответа из пары слов.

— Прости.

— Разве задавать вопросы запрещено? Не проси прощения за то, что делать можно и нужно. Откуда я знаю, что ты за обла-

ко? Я уверен в одном: не хочу, чтобы тебя загоняли в эдакую паровую машину магов и принуждали к работе на износ. — Король резко остановился и обернулся, его темные глаза показались Беренике непривычно грустными. — Я боюсь за тебя. Знаю, что детство у тебя получится короткое. Кто станет помогать моей Ренке, когда нынешнее место жизни — поезд — утратит свою безопасность? Вот потому я и решил рассказать толком, как я тебя нашел и что о тебе знаю.

— Не на путях? — вздохнула Береника.

— Нет, я солгал, так было проще и правильнее. По-настоящему же — здесь, пять с лишним лет назад, в самом конце осени. Топь еще была жидкой, а кустарник кутался в обрывки пестрой листвы. Первый снег упал, следы хорошо читались. Была ночь. Они прилетели оттуда, с юга. Их ждали, я издали заметил три костра, разложенные вокруг участка сплошной топи. Подобрался ближе, я ведь всегда отличался любознательностью.

Король невесело усмехнулся, достал нож и стал ловко резать лапник и набрасывать горкой на чахлый ствол поваленного дерева. Соорудил целый лежак, огляделся, подтащил пару крупных сухих веток, наломал мелочи. Береника помогала. Скоро костерок уже трещал, азартно вгрызаясь в смолистую еловую древесину, шипя хвоей. Сидеть возле огня было тепло и нестрашно, а вот слушать рассказ — холодно и жутковато. Вдвойне жутковато оттого, что вместе со словами Короля нехотя оживали, будто выхваченные фонарем из сплошного мрака, случайные обрывки прошлого. Эти тени шевелились, и узор их казался слишком чуждым, до головной боли и тошноты. До окончания. Там, в прошлом, было невыносимо холодно. И темно. Нечто мешало видеть прежнюю жизнь, как не позволяло и помнить ее...

Король подбросил в огонь еще дров, обнял девочку за плечи и погладил по голове. Рядом с ним — человеком, которому она была обязана жизнью, пожалуй, больше, чем кровному отцу, — страхи не имели власти. Береника заставила себя дышать по возможности ровно. Она ведь выжила и выбралась, нет уже того холода и нет отчаяния.

— Вот и молодец, справилась, — похвалил Король. И негромко начал рассказ: — Дирижабль шел низко, над самым лесом. Как я понимаю, их всего-то три в стране — больших многомоторных, с жестким корпусом. Этот был с символом полиции магов на борту гондолы. Он завис, дождался, пока оба человека,

поддерживавшие костры, обозначат себя, подобрал их и переместился к центру топи. Люк оставался открытым.

— А как маги могли тебя не заметить? Опять же недалеко, на путях, стоял наш поезд. — Береника очнулась окончательно, обрела способность думать и рассуждать.

— Поезд прошел напрямик до станции, нам так велели. Я спрыгнул на ходу. Договорился, что меня подберут через неделю, на обратном пути. Мне взбрело в голову поохотиться на лису. Своей рыжей Ленке шубу хотел подарить... Так что господа из магической полиции позаботились о том, чтобы поблизости никого не было. А маги самого дирижабля... Видишь ли, они обычно делают контроль разомкнутых маршрутов, так это называется, насколько я припоминаю. Они полагают, что любой человек должен откуда-то прийти, войти в контрольный периметр и затем покинуть его. Я не делал ни того, ни другого. К тому же эти, у костров внизу, магами не были. Так, недоучки и наверняка из полиции. Рассказываю дальше. Дирижабль подобрал людей и завис над топью, точно между двумя кострами, выровнявшись по третьему, контрольному. Тогда тебя и сбросили вниз. Высота была изрядная, метров семь — десять. Они ни в чем не сомневались, явно проделывали подобное прежде или имели точную инструкцию. Маги сразу погасили костры и сформировали внизу заклинание. Специфическое, из раздела пси-магии. Я ведь говорил тебе, что базовых уровней дара у магов три?

Береника кивнула. Она прекрасно помнила все наставления Короля. И это — тоже. В высшем колледже магов на втором курсе учеников делят на группы по склонностям и степени одаренности. Самые привилегированные и малочисленные — это заклинатели сущего, или маги удачи, их единицы по всей стране. Именно они ближайšie слуги и исполнители воли Вдовы, ее советники. Чуть ниже — пси-маги, способные воздействовать на эмоции отдельного человека или же целой толпы. А общая масса, девять учеников из десяти, — стихийные маги, управляющие с различной степенью успешности огнем, ветром, водой и твердью.

Присутствие на борту дирижабля настоящего пси-мага дает основание говорить, что полет имел большое значение. Береника улыбнулась. Улыбка вышла бледной и кривоватой. А как можно радоваться такому вниманию к своей персоне? Смертельному вниманию! Девочка плотнее прижалась щекой к тулупу

Короля, прикрыла глаза и попробовала собрать воедино разрозненные осколки воспоминаний.

Она не помнила полета. Наверное, чем-то опоили или применили магию. Зато падение вниз отпечаталось в сознании в нелепых, мельчайших подробностях — и теперь всплыло из небытия. Ужас слепоты — перед глазами клубилась темная пелена. Удаляющийся звук мерного безразличного голоса, мужского, низкого и властного. Всего три слова было брошено ей вслед сверху: «Твоя удача умерла»... Ледяной ветер, чувствительный удар — она упала в стылую грязь лицом вниз и сразу утратила возможность дышать. Ничего не осталось во всем мире, кроме чудовищного холода, оплетающего тело илистыми щупальцами болота. Потому что ее удача умерла и сама она тоже тонула. Пока не ухватилась за соломинку. Шепот, кажется, родился в сознании, он был требовательным, почти злым, зато небезразличным...

— Ты позвал меня, — тихо обрадовалась воспоминанию Береника. — Точно! Ты меня окликнул нынешним моим именем. И велел барахтаться, потому что нельзя умереть прежде смерти.

— Я сразу понял, что твое упрямство безмерно и способно вытащить из любого болота. Я старался в тебя верить, малыш. Это ведь очень важно, чтобы в такой момент хоть кто-то верил в лучшее. Они не просто лишили тебя того, что зовется удачей, а привязали магией тебе на шею тяжеленный камень темного проклятия. Но ты справилась!

— Мы.

Король рассмеялся, встряхнул дочь за плечи. И стал рассказывать дальше. Как он стал кричать в полный голос, когда дирижабль скрылся, как собрал новый костерок на еще теплом пепелище прежнего, сигнального. Береника кивала, с ужасом и изумлением прослеживая свой путь через топь, обозначенный рукой Короля. Вслепую, с вывихнутой рукой — она это вспомнила точно, — в немыслимом осенью легком домашнем платье... От кочки к кочке, по единственной ниточке тропки, выюном уворачивающейся от омутов, плывунов, ненадежных кустов и обманных грибок...

— Пап, а как я могла выбраться на берег, если маги такого уровня старались да и погода помогала? Опять же болота я не знаю.

— Чутьем и упрямством, — улыбнулся Король. — Моя заслуга лишь в том, что я дал тебе новое имя. Уж прости, первое

попавшееся, оттого оно и получилось такое странное... Сперва чуть не позвал «Черника», потом землянику припомнил, но кое-как успел исправиться. Прежнего твоего имени я не ведаю, да и ты его, возможно, никогда не узнаешь, оно утонуло вместе с проклятием.

— И я должна верить, что ты не маг? — усомнилась Береника.

Король задумчиво усмехнулся, сощурился, подвигал плечами. Он прекрасно понимал, что сам затеял этот разговор, но, как выяснилось, вовсе не желал давать ответы на любые вопросы, которые могут прозвучать.

— Ладно, сдаюсь, — выдавил он наконец. — Когда я крался к болоту, магом не был. И сейчас тоже — ни-ни. А понадобилось жизненно — и вдруг нашарилось, привычное, как нож за голенищем. Сам об этой странности думал много раз. Кстати, с того времени я постепенно стал вспоминать свое истинное прошлое, полноценное. Вроде как проснулся. Не до конца и не во всем, но зато твердо знаю: да, я учился в колледже магов, высшем столичном. И вроде бы свалил со второго курса. Это был, я думаю, последний шанс выбраться оттуда без потерь. А вот как я туда попал и что делал позже... Одно скажу точно: меня тоже прокляли. Только тебя на отъеме удачи, а меня — по-иному. Вот они, рельсы, — единственное, что осталось мне в жизни. И место, и судьба, и приговор...

Король стащил рукавицу и задумчиво изучил шрам, толстым темным рубцом накрывающий линию жизни. Береника тоже взгляделась внимательнее: точно рельсы! Шрам сдвоенный, широкий и очень прямой. Он идет по гладкой припухлости «насыпи», и в него не упирается ни одна, даже самая тонкая, черточка ладони.

— А нас с тобой, наверное, наши прежние домашние похоронили, — ужаснулась девочка.

— Скорее всего, — нехотя согласился Король. Натянул рукавицу, встряхнулся и улыбнулся: — Только зря! Так что отчаиваться рано, может, еще найдемся-встретимся. Настоящую судьбу себе соорудить ничуть не проще, чем проложить большой магистральный рельсовый путь. Мы ведь стараемся, дочь?

— Очень, — гордо согласилась Береника и тоже рассмеялась, поскольку долго грустить рядом с Королем просто невозможно. — Пап, спасибо, что ты не назвал меня ягодой. Была бы я по имени-отчеству какая-нибудь Клюква Королевна, вот

ужас! А мама в расстройстве звала бы кислятиной и оскоминой, с нее станется.

Король фыркнул, виновато развел руками:

— Мама умеет придумывать прозвища, точно. Дальнейшее не вижу смысла рассказывать подробно. Выволок тебя из топи, как только стало можно дотянуться. Здесь, у костра, оттер, в куртку свою завернул — и бегом к охотничьей избушке, есть тут одна поблизости. Оттуда через четыре дня — к поезду, ты еще бредила, без сознания была. Я наврал всем про пути, про то, что заметил на насыпи, что ты выпала из поезда... Ленка помогла, спасибо ей. Документы я тебе позже сделал. Настоящие! Купил в другом ремонтном поезде метрику умершего ребенка. Чуток подправил. В двенадцать лет самым законным образом мы эту метрику сменили на первичный паспорт. И числишься ты Береникой Соломниковой. Смешно, правда? За соломинку из болота вытащил — и эдакая фамилия тебе досталась простым случаем.

— А у тебя что записано в документах?

— Людям с такими шрамами документы не полагаются. Для меня нет ни имени, ни чего-то иного, что с ним связано. Я к рельсам накрепко прикован. — Король улыбнулся. — Зато здесь у меня есть дом, Ленка, Саня и ты.

— И тебя уважают, — заверила Береника.

— Крепко! Поэтому вставай, нам пора. Без нас не станут жарить и — тем более — делить. А лишнего получаса голодания мне даже друг Михей не простит.

Задолго до того как блеснул прогал вырубки около путей, Береника разобрала могучий, притягательный запах праздника. Смесь кострового дымка, запекаемого мяса, ольховых щепок коптильни, свежего хлеба... Не сговариваясь, путники обрадованно прибавили шаг. Обитатели поезда не стали ждать возвращения Короля, как он того опасался, а потому еда уже поспевала и никто не накопил гнева или обиды. Даже Лена, без сомнений, справедливо полагала, что в присутствии дочки ее Король глупостей делать не будет, а значит, не тратила нервы впусую, на ревность.

Вот и опушка. Уже слышны звуки гармонии. Певунии, все до единой битые Ленкой в разное время, умело раскладывали на голоса сложное плетение мелодии. Голос самой мачехи звенел

и переливался: она, как обычно, вела, а прочие подстраивались. Король вздохнул и улыбнулся:

— Рена, ну какая у нас мама замечательная! И голос у нее безупречный.

— Пап, что же тогда...

— Дочь, это наши с мамой взрослые разговоры, не встревай, — строго предупредил отчим. — Я бы никого не взял в жены, кроме Лены. И в полной памяти, и без таковой — я твердо уверен. Этого тебе достаточно?

— А что мне остается? — попробовала напоказ обидеться Береника. — Дед сказал, что ты хуже кота. Пока всю сметану по чужим банкам не соберешь, не уймешься.

— Уж какой есть, — беззлобно хохотнул отчим и тут же виновато пожал плечами: — Дело ведь не только в моих личных недостатках, здесь еще и темная удача виновата. Моя сторона путей левая, Ленкина — правая. Даже летом мы не можем сбежать вдвоем из поезда. А дед, чем лясы точить и оговаривать, лучше бы выхлопотал себе отдельное жилье. Ему как машинисту полагается. А он вместо этого бессонницей мается.

Береника больше ничего не стала спрашивать: ей и так было ясно, что тема затронута ненужная и неверная. Выслушивать сетования деда Корнея тошно. Вот уж правда, до всего ему есть дело и для каждого на все случаи жизни готов совет — долгий, подробный, обстоятельный, хуже самой черной бабской сплетни. Даже малышу Сане дед по осени пробовал рассказать, какой же подлый человек Король. Мальчик потом две ночи плакал. Мама Лена сердито и непривычно молчала. Дед тоже молчал, жевал губы и тер плечо. Он никак не предполагал, что за свою «доброту» будет пребольно излуплен, и, ко всему прочему, не зятем, а дочерью! Да еще с шумом, при соседях... И что спасать его прибежит Король, а мирить с рыжей воительницей станет сам начальник поезда, увещевая обоих тихим, хрипловатым голосом, спокойно, обстоятельно и неспешно.

Вспомнив про Михаила Семеновича с его бедой, Береника всерьез задумалась. Если она не утонула, если ее удача жива и даже велика, если помогает уворачиваться от самой смерти, то разве эдакое чудо можно беречь для себя одной?

— Пап, а я могу изменять то, что полагаю неверным и гнусным? Ну совсем гнусным, бесповоротно?

— Ответ на этот вопрос есть только в тебе самой, — сказал Король.

Он помолчал, нахмурился — опушка, уже вот она, а продолжать разговор при людях едва ли разумно — и быстро добавил:

— Чтобы менять удачу, надо сперва в ней чуток разобраться. Не в настоящей, природной, а хотя бы в нашей, фальшивой, созданной магами. Первый шаг твоего обучения понятен, именно так из общего числа учеников колледжа отбирают будущих магов удачи. Тот, кто способен научиться создавать или разрушать ограничения, ощущает и их наличие. Вот опушка, здесь проходит незримая нить. Я не ведаю, какая она. Но ты, возможно, однажды ее нащупаешь.

Мысль показалась Беренике интересной, но попробовать воплотить ее немедленно не удалось. От поезда уже кричали, заметив Короля, зазывали к кострам угощаться. Терпкий горячий запах праздника кружил голову, спазмом сводил желудок, вынуждал облизываться и глотать слюну. В поезде не знали настоящего голода, время от времени поражающего деревни. Здесь работали много и тяжело, поддерживая в порядке путь и наращивая его, когда для того приходило время. То есть исполняли важное для правительницы дело. А раз важное, то и оплачиваемое регулярно, и сносным снабжением обеспеченное. Но все же есть досыта, да еще мясо, тем более парное, приходилось нечасто.

Праздник! Как тут сосредоточиться и ловить невнятное, незнакомое и неведомое даже самому Королю ощущение нити, надвое разделяющей удачу? Береника принохалась, в последний раз виновато подумала о начальнике поезда и его болезни.

Взгляд уже прыгал от одного костра к другому, радовался дивному, веселому дню — солнечному, тихому, прямо сияющему, вместившему столько интересного! Вон там, на опушке, выделявают шкуры. Подружка уже гордо машет над головой клочком меха — ей достался в полное владение! Малышня вьется возле Михея, взявшего жарить на большой сковороде темную густую баранью кровь — это ведь тоже лакомство. У седьмого вагона танцуют, да так рьяно, что только снег летит. Ближе к хвосту поезда затеяли потешную драку. Король заметил, резко развернулся и пошел поглядеть, насколько шуточную, не появится ли ненароком ножик в чьей-нибудь руке...

Возле пятого вагона на опушке горел высокий и жаркий костер, отгораживающий праздник от влияния чужих удач и неудач. Давно известно, что в круге живого огня дурные влияния не так опасны. Под самой насыпью была устроена жаровня с отборным древесным углем. Саня, гордый и важный, прогуливал-

ся рядом и то и дело поворачивал прутья с нанизанным на них мясом: ему доверили ответственную работу. Иногда малыш косился на звонко смеющихся сверстников, пробегающих мимо, кочующих от костра к костру, облизывающихся, веселых и сытых... Береника хотела было отпустить брата, но заметила Ленку. Та подозвала ее и загрузила более нужной работой — усадила лепить пельмени. Один за другим: завернуть, защипнуть, уложить в миску... «Это до самого вечера», — прикинула Береника, оценив размер баков с тестом и начинкой. Дело прекрасно занимало руки и освобождало голову для размышлений. Снова вспомнился рассказ Короля и сами события пятилетней давности. Удивительно, но страха или темной тяжести на душе от нового знания не накопилось. Властные слова могучего столичного мага уже не имели над ней силы. Зато в ушах до сих пор звучал и согревал тихой радостью голос Короля: «Прежде смерти не умрешь».

— Третий час сидишь и улыбаешься, — отметила мачеха, перегружая очередную порцию готовых пельменей в поддон, чтобы вынести на мороз. — Что тебе нашептал этот бездельник?

— Как он меня нашел и как ты согласилась взять меня в дом. Спасибо, мам.

— Точно бездельник! Согласилась, спасибо... Да я бы скорее его выгнала, чем тебя! Таковую хорошую, взрослую, умную и работающую, любая хозяйка с руками отхватит, — рассмеялась Ленка, погладила Беренику по щеке тыльной стороной испачканной в муке ладони. — Ренка, я всегда хотела девочку. Но твоя сестричка не выжила, она была слабенькая. В осень погасла, как лучинка... А тут он тебя приволок. Тихую, бледненькую, темно-волосую — ну чисто с того света возвратил потерю мою. Не представляешь, как я обрадовалась! Тебя всем вагоном выхаживали. Всем поездом! Михаил Семенович на станции доктора вызывал, жена его мази тебе покупала, в город ездила. А ты — «приняли»... — Зеленые глазищи мачехи блеснули лукаво и весело: — Вся в отца, капризница, да еще с причудами! Ну заканчивай над пельменями горбиться. Остальное я отдам в четвертый вагон, у них детворы много, пусть суетятся. А нам и так достаточно. Хотя... погоди!

Лена убежала в комнату, тотчас вернулась и сыпала с ладони в последний пельмень мелкую красную бусину. Подмигнула, кивнула — заворачивай!

— Зачем?

— Так принято. Это вроде шуточного гадания. На денежное везение, если бисер красный, — сообщила мачеха. — По крайней мере, так у нас говорили, в слободе. Когда я была совсем маленькая, мы с родителями жили в пригороде, папа тогда учился на машиниста.

— В столице? — восхитилась Береника.

— До столицы оттуда еще верст сорок было, — отмахнулась Лена. — Я ее ни разу не видела по-настоящему, только через щель в досках вагона, когда наш поезд насквозь город проезжал.

Береника припомнила рассказ деда Корнея. Главные радиальные магистрали, все восемь, сходятся ко дворцу Вдовы. Ныряют в его ворота — и выныривают из ворот напротив. С одной стороны они, предположим, северные, а с другой уже относятся к южному управлению путей. Но что находится внутри стен дворца, никому не ведомо. Корней полагал, что там имеется большое депо, содержащее несколько личных составов правительницы.

— Вы ехали через дворец? — охнула девочка.

— Нет, конечно! — рассмеялась Лена. — По малой окружной, окраинами. Я сама чуть нос не прищемила, так к щели липла. Думала, и дворец рассмотрю, и магов, и саму эту ведьму бессмертную... А увидела только заборы, склады, запасные пути и несколько улиц. Закончила лепить? Вот и умница, иди и поймай нашего папу, хватит ему на чужие пляски пялиться.

Король возник в дверях, словно подслушивал. Догадался, о чем шла речь, фыркнул и ловко подхватил жену на руки. Зашептал ей в ухо громко и внятно, настаивая на том, что пляски не так уж плохи и он намерен обойти все костры. Не один, с женой. Зря его опять заранее обсуждают: он не слышал, но уши-то горят... С тем родители и исчезли. Беренике пришлось самой выносить на мороз последнюю порцию пельменей, звать хозяек из четвертого вагона и передавать им тазы с остатками теста и начинки. Потом греть воду, отмывать посуду, приводить в порядок комнату, временно ставшую кухней и выбеленную мукой. И наконец пришло время ужинать обжигающе горячим, великолепно прожаренным мясом, хвалить усердие брата, а позже — искать этого самого брата, сбежавшего попробовать чужие угощения.

Уложить Саню оказалось непросто. За день он накопил столько впечатлений, что спать не хотел совершенно. И сказки

слушать — тоже. Он сам бормотал, зевая, посмеиваясь и щурясь. «Весь в папу, особенно когда так хитровато прикрывает веки», — подумала Береника, рассматривая Саню при тусклом свете масляной лампы. Вздохнула, погладила жесткие кудрявые волосы цвета сосновой коры: мамино наследство, у отца темнее и мягче.

— Дед сказал, — горестно выдохнул брат, выдавая свою боль, спрятанную глубоко, на дне души, — что Король нам неродной и это хорошо. Он папу не любит.

— Ты его не понял, — твердо и уверенно сообщила Береника. — Он просто имел в виду, что ты и на маму похож, и на папу — на обоих, а не только на кого-то одного из них. Ясно? Вот шея у тебя короткая, папина. Носик чуть вздернутый, мамин. Уши растопыренные — вообще дедовы. Глаза темные — папины.

— Как хорошо, что я просто ошибся, — улыбнулся Саня и успокоенно прикрыл веки. — Он иногда чудно говорит, сложно. Только ты и можешь разъяснить толком. Сегодня утром вот вы ушли, а дедушка взялся бормотать над бумажкой. Невнятно, и все про дядю Мишу.

— Про Михея?

Дышать отчего-то стало трудно, на глаза напозла темная пелена, словно вот-вот за шиворот прихватит рука и сбросит вниз, в ледяное болото...

— Не-а, про нашего начпоезда, — зевнул Саня. — Ничего толком не разобрать было. Я спросил, а он сказал, что хвалебное письмо пишет. Но читать вслух не стал, сразу в конверт убрал. Он хороший, дед Корней, только странный. Почему бы при всех не почитать?

Выложив сестре свое последнее тайное опасение и успокоившись, Саня зевнул еще шире и ровно засопел. Береника, наоборот, зябко поежилась. Еще несколько минут она лежала, пытаясь унять тяжесть на сердце и задремать. Сон сгинул, холод упрямо пробирал до костей вопреки усердию печки, загруженной углем...

Пришлось сдаться и поверить чутью. В конце концов, есть ли смысл теперь сомневаться, что оно имеется, настоящее и весьма сильное? Не хвалебное письмо написал дед и не зря спрятал. Девочка грустно усмехнулась. Белая бумага без слов — она чиста, как незапятнанная природная удача. Очень редко у людей получается сохранить везение, свое и чужое, испачкав лист

чернилами. Темными словами беда притягивается вернее, чем заклинаниями самого сильного мага...

А если она умеет исправлять везение, то, может, теперь и настал единственный миг для дела? Саня сказал ей то, о чем более никому не ведомо. Завтра на станцию повезут почту, с самого утра. Значит, дед Корней уже ничего не поменяет в письме, он давно ушел к дальнему костру, в хвост состава. Там возьмется давать советы и тайком от дочери «добавлять полными стаканчиками головную боль» — так это называл Король, умевший пить, но не напиваться и, к полному недоумению и возмущению деда, ни разу не страдавший похмельем... Перебирая бесвязные обрывки мыслей и воспоминаний в голове, Береника встала, накинула телогрейку, сунула босые ноги в валенки. Подперла хлипкую входную дверь палкой и, не добавляя света, стала усердно перебирать вещи деда.

Его сундучок был невелик и стоял незапертым. Корней твердо знал, что никто не полезет и так, не принято это в доме Короля — трогать без спроса личные вещи.

Письмо выпорхнуло из-под обложки старой тетрадки в плотной кожаной корочке, хранившей дедовы записи относительно различных паровозов: расход угля и дров, предельное давление в котле, какие-то пометки по ремонту — и так далее.

Конверт был уже запечатан, но везение — штука особенная. Сегодня Береника твердо знала: случай крайний, жизненно важный. Раз отец смог, себя не помня, позвать ее, значит, и она справится. Толстый сургуч аккуратно, не хрустнув и не раскрошившись, поддался под нагретым острием ножика, срезался чисто и ровно. Однажды она спросила отца, умеет ли тот вскрывать документы, и Король показал...

«Его высокоблагородию начальнику объединенного ремонтного управления путей...» — читала Береника, и холод студил ее кожу все сильнее. Глаза выхватывали лишь обрывки фраз, не желая пачкаться их витиеватой и гнусной полнотой.

«Сам же допускает сомнительный торг, а именно — на разъезде, желая получить мед для лечения...

...по три дня не покидает вагона, бросая важные дела без присмотра...

...болеет крепко и оттого пользу делу дает малую...»

В конце письма дед прямо говорил, что сам он уже был представлен три с половиной года назад к должности замначпоезда и справлялся вполне успешно. Он здоров, имеет немалый опыт,

не замечен в грязных делах и перед властью всегда был характеризован наилучшим образом. А вот уважаемому Михаилу Семеновичу самое время на покой.

Береника отложила письмо в сторонку и задумалась. Что делать? Сказать Королю... так у него и без того с дедом Корнеем отношения хуже некуда. Она видит, ее не обмануть показным миролюбием: дед откровенно побаивается своего зятя. Оттого и тих, и возмущается лишь на общих сборах, надеясь получить поддержку работяг. Он ведь, в отличие от начальника ремонтной бригады, не карает за леность, не лишает доплат. Наоборот, сочувствует. Самое обидное, что и начальнику поезда дед не враг, уважает его, по-своему ценит. Но желание посмотреть на Короля начальственно, сверху вниз, так долго росло, так упрямо копилось, что оказалось главнее и весомее любых иных доводов...

Маме тоже сказать невозможно. Дед ей родной, вырастил, всю жизнь был рядом. Опять же и без того в семье неладно — крутится Ленка меж двух самых дорогих людей и злится. То Корнея изругает, то Короля. Наконец, и Саню нельзя подвести! Брат выложил сомнения и подозрения не для передачи на сторону. Береника тяжело вздохнула, наспех перебирая в уме иные варианты, которых, по сути, не было. Михай? Только кулаками махать горазд, он во всем на стороне отчима. Сам Михаил Семенович? Не в этом случае.

— Управлюсь, — пообещала себе девочка, мысленно уговаривая голос не дрожать. — Я осторожно. Папа сказал, нельзя вмешиваться, не понимая ничего... Но и не вмешиваться невозможно. Так, вот листок. Вот письмо. Где оно совсем темное? Немножко подправлю, самую малость. Дедушка в чем-то прав: давно следовало бы написать, как болеет наш дядя Миша. И сколько он еще может принести пользы, и какой он прекрасный инженер. Как мы уголь экономим. Как он учит обходчиков и сам пути осматривает.

Доводы, высказанные вслух, казались куда более весомыми, чем невысказанные. Холод отчаяния отступил, затаился слабой ноющей болью под ребрами. Словно это у нее кашель и ей трудно вдохнуть ледяной воздух зимы. Пальцы побежали над строчками.

«Его высокоблагородию начальнику объединенного ремонтного управления путей...»

Береника улыбнулась. Хорошее начало, правильное, от него

сразу дышится проще, будто юг уже рядышком. Что дальше? Указания на нынешнее местонахождение поезда, на то, как идет ремонт участка. Тоже неплохо. Надо лишь выбросить нелепое упоминание «моим радением» и вставить правду. Рабочие графики составляет начпоезда, он в людях прекрасно разбирается. Береника достала чернильницу, резко выдохнула, отбрасывая последние сомнения. Зачеркнула слова, лишая себя возможности оставить все как есть, и взялась усердно скрипеть пером, внося новые заметки ровным бисерным почерком поверх дедовых неодинаково наклоненных, подрагивающих и покачивающихся букв. «Не хотел ведь писать», — осознала Береника причину окончательной порчи почерка Корнея. Сам с собой боролся. Лживые слова и вовсе невнятно смотрятся, низкие палочки гнутся, горбятся — стыдно им...

Закончив переиначивать текст, девочка прочла его повторно. Попробовала представить, что она — дед Корней. Стал бы он так писать? Вот тут и тут — нет, не его речь. Снова пришлось менять. И опять. Потом проверять рукой: не болит ли внутри, за ребрами, не грозит ли бедой?

Гармошки за тонкой стенкой вагона утомились и попритихли, праздник сместился к хвостовым вагонам. Там, вдали, хохотали, пьяно орали песни не в лад, ругались, затеявая ссоры. Временами слышался характерный низкий рык Михея: явно лез разнимать. Береника кусала губу и уговаривала себя не спешить. Нельзя. Самое ответственное дело осталось — начисто переписать. Почерк дедов она знает в точности. Год назад Корней руку повредил, и она писала все лето за него отчеты. Даже расписывалась. И за Михея писала прошения да расходные бумаги на уголь, шпалы, инструмент. С грамотой у нее все ладно, в забытой прежней жизни явно были учителя. И даже наверняка, настоящая школа. Может, она в городе жила... Да и в нынешней жизни учат усердно, спасибо жене начпоезда.

Рядом со старым, замаранным исправлениями до нечитаемости письмом легло новое. Красивое, с ровными буквами, не пытающимися горбиться и таиться. Береника несколько раз погладила подушечками пальцев самые важные строчки, где указывалось на опыт дяди Миши и на его умение организовать работу. Ей показалось, что теперь строчки стали выглядеть притягательнее, на них взгляд задерживается сам.

— Хорошо я придумала, — похвалила себя Береника. — И дед именно так бы хотел написать. Он правду любит, просто осерчал. Надо было мне самой табак ему отдать, а так — у Короля из рук взял и снова нашел повод для обиды.

Вписанными внизу строчками, последними, девочка гордилась особенно.

«Один я себя не жалею ради блага страны. Готов с любым начальником работать, даже и худшим, лишь бы делу в пользу шло. Иные же боятся отеческой опеки нашего Михаила Семеновича лишиться, посему молчат и тем в могилу его сгоняют, как разбойники».

Дед однажды сказал именно эти слова, и она запомнила. Памятливость ее очень кстати нынче пришлась.

Потренировавшись на обороте старого листочка, Береника поставила дедову подпись на новом. Внесла сегодняшнюю дату — а вдруг маг проверит? Нельзя лгать о времени составления бумаги, это выявляется сразу. Оттого ей и приходилось за деда составлять отчеты. Одну лишь незнакомую руку маг от истомой не отличит без дополнительных образцов писем, а вот время любой из них крепко чует, это всем ведомо. Подсохшее письмо девочка сложила точно так, как было сложено предыдущее. Сунула в конверт, повозилась, восстанавливая печать. На мгновение взвесила итог двух с лишним часов труда на ладони и зажмурилась от удовольствия. Хорошее письмо, теплое. Полезное. Правда, в душе скребется новая странная тревога. Король не раз повторял, что нельзя толкнуть камень под горку и надеяться, что он не увлечет с собой еще несколько. И нельзя заранее понять, каков окажется итог их движения. Но сделанного уже не изменить, камень она толкнула сознательно и сильно. Даже голова ноет от напряжения.

Береника вложила письмо в тетрадку, убрала ее на место и спрятала чернильницу. Еще раз осмотрелась, убеждаясь, что вещи лежат там, где им и следует. Вроде все хорошо и правильно, ничего она не переместила и никто не догадается о ее ночном деле. Осталось последнее. Открыть заслонку печурки и подарить огню исписанный ложью листок. Заодно можно добавить совочек угля.

Потирая озябшие колени и позевывая, Береника стащила телогрейку, положила на постель в ноги, приподняла край одеяла и ловко юркнула в тепло, к Сане под бок. Уже засыпая, девочка подумала, что с самого утра начнет учиться опознавать

удачу не на ощупь, а с открытыми глазами, чтобы понимать последствия обвала, толкая первый камень. Потому что удержаться и не толкнуть однажды снова может не получиться.

Глава 2 МАГ УДАЧИ

Хорошим людям везет редко. Деликатность мешает им крепко вцепиться в удачу в хвост. Между тем пара мятых перьев еще никому не испортила жизни.

Леопольда Мильс, вдовствующая баронесса

Тягучий и длинный, резковатый, распугивающий звуки весны голос рожка сигнальщика прокатился вдоль путей. Повторился снова и снова. Значит, пора сворачивать работы: скоро время, выделенное под малый спешный ремонт, истечет. На подходе поезд. Весной движение, как и сама жизнь, оживляется.

Влажный ветерок пахнет теплом и клейкой лиственной зеленью. Он ласковый, он бережно расчесывает волнистые облака, укладывает их пряди волосинка к волосинке. Белые, легкие, не то что зимой. И плывут они над путями иначе, скользят легкими полутенями, играют в салки с солнышком. А оно, северное, впервые рискнувшее выбраться высоко на чистую и лишнюю льда воду небесного озера, сияет и смеется. Греет крышу вагона. Благодать.

Я прикрыла глаза и вдохнула весну всей грудью. Хорошо... Звук рожка погас. Птицы выждали чуток и заголосили снова, навёрстывая упущенное. Лес шевельнулся, дрогнул короткими листьями дивного молодого цвета, переливчатыми и глянцевыми, незнакомыми с пылью. Я ощущала лес кожей, а еще неведомым и живущим лишь в воображении способом. Слушала, как корни пьют влагу и питают зелень, как трава протискивается сквозь почву и прокалывает последние корки грязного льда в низинках, крошит его. Такая слабая, а одолевает, потому что упрямая и настойчивая. Это качество, достойное уважения. Мерзнет, жухнет, гнется — а воюет с самой зимой, величайшим страхом севера...

— Эй, папкина баловница, слезай! — крикнула мама Лена снизу, от путей. — Ишь манеру взяла на небо глядеть. Средь

бела дня, когда и без лучины видать, что дел невпроворот. Пол грязный, штопка сама собой не делается, вязка тоже.

— Извини, мам. Спускаюсь.

И правда неловко: как это я ее одну оставила? Знаю ведь, что переживает. Вот-вот пойдет скорый, ей надо своих пересчитать и убедиться, что целы все и не на путях. Закроет нас с Саней и прочую детвору пятого вагона в этом самом вагоне, положит лестницу поперек широкой двери, чтоб не вывалились детишки, и начнет высматривать отца. За Короля она еще сильнее боится, я знаю. Потому что все говорят: проклятые Вдовой долго не живут, а шрам на папиной руке широк и темен...

Добежав до начала вагона, я быстро спустилась с крыши и юркнула в дом. Помогла маме поднять нашу лестницу-сходни, положить поперек, превращая в загородку. Вот мы и готовы к отправлению поезда. Саня тотчас просунул ноги между перекладинами лестницы и уселся на полу, глядя из вагона на лес и край насыпи. Мама встала рядом, еще раз глазами пересчитала нас, ребятню, — все семь душ пятого вагона здесь, целы. И гость вагона, Олег, тоже вот он.

— Да где же мой Колька? — предсказуемо расстроилась мама. — Три плети рельсов меняли и времени нам дали всего-то ничего, а ну как не успеваем! Ну что мы, единственный ремпоезд? Почему моему Кольке достается хуже всех? Вон восьмой ремсостав только и чинит глухие боковые ветки. Там если один поезд в неделю пройдет — уже много. А у нас строгое расписание, сетевой график маршрутный. Семенович-то еще утром сказал: подушку подмыло, отсыпка требуется. Трамбовка, подбивка...

Мама торопливо бормотала умные слова, много значащие для инженера, но для нее — лишь описывающие тяжелый и долгий труд отца и его людей. Бригада относительно небольшая, а дело спешное. Вдалеке, от начала ремонтного участка, усиливая подозрения, гудел по рельсам звук торопливо забиваемых костылей.

Из-за спины, от дальнего поворота, зычно взревел, обозначая себя, скорый поезд. Молотки застучали еще быстрее — и стихли. Саня поболтал ногами, прислушиваясь, кивнул и авторитетно заявил:

— «Зеленая стрела» идет. Лучший паровоз северной магистрали. Пятиосный, рекордный скоростник среди пассажирских, к тому же отменно тяговит. Дед Корней мне объяснил, что луч-

ше этого только столичные, из дворцового депо. Или уж рекордисты Самого, но те и вовсе чудо...

Паровоз фыркнул совсем рядом, сбрасывая излишек давления пара и замедляя ход. Его машинист, само собой, знал про ремонтный участок. У нас ведь как? Порядок на путях налажен, все надежно. На любой станции записку передают, новости доводят до сведения машиниста. Для того имеется самое простое средство, надежное и не требующее остановки. Кольцо из ивового прута согнут, на нем бумагу закрепят — и держат как следует. Помощник машиниста спускается пониже, вывешивается вбок и ловит кольцо на руку. Очень умная система. Так что про наш ремонт знают.

Скоро тяжелый локомотив поравнялся с ремонтным поездом, и рельсы стали пружинить так, что вагон задрожал, покачиваясь. Мать снова выглянула наружу, беспокойно теребя свободной рукой ворот кофты. Я, поддавшись ее настроению, прикрыла глаза и стала изучать удачу. За зиму я этому неплохо научилась, даже отец похвалил, когда все объяснила.

Удача — она похожа на живой узор облачных теней, что бежит вместе со своим особым ветерком, меняется ежесекундно, сплетается и рассыпается. Порой бывают пасмурные дни и темные места, напоенные извечной тенью. Но куда чаще «погода» везения близ рельсовых путей ровная. Свет и тень чередуются, мелькают и движутся. Сегодня вовсе занятно. Место хорошее, ясное, теней почти что нет, не дует тревожный ветер, не гонит темных облаков. Это я ощутила точно и обрадовалась, что сегодня не случится ничего плохого. Зато можно ждать странных и светлых новостей.

— Все хорошо, мам, — вслух подтвердила я.

— Вот и ладно, — сразу поверила мама.

До сих пор не знаю, что сказал ей отец о моем везении и моих способностях, но, кажется, немало: она в меня верит. Успокоилась, улыбнулась и пошла собирать на стол.

Наш старенький паровоз — путейские дети прозвали его «Букашкой», «Букашем», и имя прижилось, поскольку в обозначении серии есть буквы «Б» и «У», — вздохнул, сердито загудел вслед «Зеленой стреле», такой несолидной, шумной и поспешной, разбудившей его, пожилого, степенного и работающего. Мне он всегда казался очень похожим на своего машиниста, деда Корнея. Свистит, сердится, пыхтит на подъемах-тягунах, ругается и нудно стучит... А на деле — толковый, беззлобный и

надежный. Только очень уж уязвляет его то, что есть в мире иные локомотивы... и, хуже того, дирижабли.

Неделю назад дед сидел весь день у Михаила Семеновича. С ужасом слушал про самобеглую коляску, прозванную с недавних пор по-новому, автомобилем. Ей, оказывается, рельсы не нужны! Она даже по столичным улицам ходит. У правительницы недавно появился свой гараж...

Дед сокрушался целый вечер, сетуя, что придуманное новшество чересчур опасно, дымно и вредно. А в глазах читался страх: вдруг паровозы, которым принадлежит вся его душа, однажды окажутся забыты ради нового чуда техники? Даже папа пожалел деда, сразу и полностью согласился с тем, что самобеглые коляски вредны, у них нет будущего. Но я-то вижу по глазам, что думает он иначе.

«Букаш» загудел повторно, короткими резкими звуками собирая к вагонам своих припозднившихся пассажиров. Лязгнула сцепка. Саня на правах внука машиниста гордо сообщил всей детворе:

— Славно тронулись, без всякого толчка. Дед — мастер!

Паровоз в последний раз оповестил окрестности о своем отбытии. В бестолковом третьем вагоне заголосили буйно и не вполне трезво, наспех считая детей и взрослых, зазывая пропавших. Им шумели в ответ соседи, сообщая, что Толька гостит в восьмом, а Петр — в четвертом... Колеса считали стыки рельсов все бодрее, легкий ветерок шевельнул мамины рыжие волосы, яркие, похожие на завитые в пружинки солнечные лучи. Я в очередной раз подумала, какая же мама красивая и складная. Она подошла, встала за моей спиной, теперь еще и погладила по голове. Сразу стало тепло на душе и радостно... А еще в сиянии ее волос странным образом копится небольшая и весьма уютная домашняя удача. Может, оттого и борщ у нас неизменно вкусный, и пельмени несравненные, и даже самая простая каша съедается без остатка и с аппетитом. Не от голода — а в удовольствии. Мама в любое дело душу вкладывает.

— Ну где этого паразита носит? — заново растревожилась она. — Мы уже ход набрали. Все тут, обед стынет.

По крыше вагона застучали сапоги, вымеряя ее от хвостовой сцепки к нашей двери. Мама фыркнула, пряча за показным возмущением радость:

— Все не как у людей! Хуже мальчишки по вагонам прыгает.

Саня, иди ко мне. Он ведь и вниз сигануть способен, не думая и не глядя.

Брат послушно юркнул маме под руку. Вовремя — с крыши и правда прямо на ступеньки свалился отец. Он ловко перехватил поручни, качнулся вверх и сел на нашу лестницу, щурясь от сдерживаемого смеха. Мама и правда ругалась занятно. Раз пять обозвала любимым словом «паразит», потом припомнила «чертеняку». Дальше пошли бабушкины обороты с южным выговором — бисово отродье, вимпирь... Сама я бабушку не застала, но знаю, что дед Корней увез ее из села, стоящего неподалеку от южной ветки путей. И мама Лена, кажется, куда больше унаследовала от своей южной родни — яростный характер, неспособность копить обиды и столь опасную для женской части населения поезда готовность каждую минуту дать бой по самому малому поводу.

Выговорившись, мама вцепилась отцу в волосы и сделала вид, что хочет выдрать изрядный клочок. А потом рассмеялась, довольная смирением Короля, нагнувшего голову для удобства «трепки».

— Устал?

— Лен, да не с чего, — отмахнулся он. — Три плети, ребята все сделали быстро, на одном дыхании. Семенович сказал, телеграмма пришла. Нас спешно переводят на северо-западную ветку. Там большая стройка, вот где будем уставать. Нужно подсобить, а мы самые ближние к дуговой связке путей. А пока дней восемь отдыха.

Король сунул руку во внутренний карман куртки и извлек небольшой жестяной футляр. Бережно перевернул, извлекая с десяток слабых стебельков подснежника с мелкими, едва наметившимися бутонами цветков. Понятно — искал в лесу и едва успел запрыгнуть на площадку хвостового вагона. Футляром, а точнее, банкой тотчас завладел Саня. Еще бы! Целое состояние: узорная, со сложной выпуклой чеканкой, с золотой краской контура рисунка. Начпоезда хранит чай в очень похожей банке. О ней знают и мечтают все мальчишки...

— Откуда? — Восторгу брата не было предела.

— Из «Зеленой стрелы» кто-то выбросил, — улыбнулся Король, подталкивая детей в спины и двигая всю семью в сторону вкусно пахнущего обеда. — Для богатых детей, Саня, это не сокровище, а мусор.